

О критериях выявления и стратификации булгаро-чуваших заимствований в пермских языках I¹

Статья представляет собой первую из двух частей исследования, посвящённого анализу тюркских заимствований булгаро-чувашихского типа в пермских языках. В этой части предлагаются общие критерии, позволяющие дифференцировать булгаризмы в корпусе удмуртских и коми слов тюркского происхождения. Кроме того, очерчивается «ядерный» слой булгаризмов в пермской ветви, что может служить опорной точкой для дальнейшей интерпретации многослойных булгаро-пермских контактов. В основной список включены два десятка слов, для которых можно предполагать исторически панпермское распространение (присутствуют в коми за пределами южных зырянских диалектов, коми-пермяцкого и коми-язьвинского наречий) и в которых наиболее частотным образом отражаются рефлексy конкретных пратюркских фонем. Показано, что заимствования этого типа проникали в прапермский язык, ещё не претерпевший ряд характерных для пермской ветви фонетических развитий, из источника, который уместно называть древнечувашихским языком. Данный пласт булгаро-пермских связей следует датировать VIII–IX вв.

Ключевые слова: пермские языки; удмуртский язык; коми язык; болгарские языки; чувашский язык; языковые контакты; историческая фонетика; этимология.

1. Введение

Изучение булгаро-пермской контактной лексики, прежде всего — булгаро-чувашихских заимствований в удмуртском и коми языках (в значительно меньшей степени — пермских заимствований в чувашском) имеет давнюю традицию; отдельные пассажи, посвящённые этому вопросу, находим уже в работах XIX–начала XX вв. за авторством Й. Буденца, Н. И. Золотницкого, Б. Мункачи, И. Н. Смирнова, Н. И. Ашмарина, Х. Паасонена (Budenz 1864; Золотницкий 1875; Munkácsi 1883; 1887–1890; 1896; Смирнов 1890; 1891; Ашмарин 1898; Paasonen 1902). Итоги раннего этапа исследований в этой области были подведены в фундаментальной монографии Ю. Вихманна «Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen» (Wichmann 1903), где было идентифицировано более 160 булгаро-чувашихских заимствований в удмуртском языке (для части из них, впрочем, допускается и татарское происхождение). Около 35 слов из этого списка отмечены также в коми. Единичный характер носят у Ю. Вихманна болгарские заимствова-

¹ Статья написана в рамках работы по гранту Российского научного фонда № 24-18-00148 «Этимологический словарь удмуртского языка (славянские, тюркские и среднеиранские заимствования)» (<https://rscf.ru/project/24-18-00148/>). The grant of Russian Science Foundation No. 24-18-00148 (<https://rscf.ru/en/project/24-18-00148/>) is gratefully acknowledged. Автор выражает признательность А. В. Дыбо, М. А. Живлову, Р. И. Идрисову, В. В. Напольских за ценные замечания, касающиеся как некоторых общих положений статьи, так и конкретных этимологий.

ния, документированные в коми, но не в удмуртском. Кроме того, он привёл более десятка слов пермского происхождения в чувашском языке.

До последней четверти XX в. попытки дополнить собранный в Wichmann 1903 корпус контактной лексики и обновить сценарий контактов носили скорее частный характер — отдельные ценные уточнения были опубликованы в работах (Räsänen 1920; 1935; Емельянов 1924; Поппе 1927; Егоров 1930; 1964; Uotila 1933; 1938; Lakó 1935; Wichmann & Uotila 1942; Raun 1957; Лыткин 1959; 1967; КЭСК).

Задачу целостного пересмотра вопроса о булгаро-пермских связях попытался решить — в общем неудачно — М. Р. Федотов, посвятивший этой теме одну из глав монографии «Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками» (Федотов 1968). К небольшому обзору текущего состояния проблемы был приложен «Словарь чувашских заимствований в пермских языках», насчитывающий 429 вхождений. Почти троекратное увеличение списка заимствований по сравнению с интерпретацией Ю. Вихманна не должно вводить в заблуждение. Как правило, расширение корпуса достигалось за счёт слов, которые были заимствованы в удмуртский, вероятнее всего, из татарского, но поскольку они также проникли и в чувашский, формально для них нельзя исключать чувашского посредства. Новые хорошие чувашские этимологии для пермских слов единичны. Таким образом, существенно ценность сравнительных материалов М. Р. Федотова (почти целиком вошедших в изданный позднее этимологический словарь чувашского языка, см. Федотов 1996) для разработки проблемы булгаро-пермских отношений невелика.

Несомненным успехом в интерпретации булгаро-пермских языковых связей стала серия работ К. Редее и А. Рона-Таша (Rédei & Róna-Tas 1972; 1975; 1982; 1983; Róna-Tas 1988). Венгерскими учёными достаточно адекватно была рассмотрена контактная лексика раннего периода, 22 болгарских слова было предложено считать заимствованными уже в прапермский язык. Более поздние, сепаратные контакты чувашей и удмуртов в этих публикациях не рассматриваются.

Отдельные наблюдения над булгаро-пермской контактной лексикой содержатся в опубликованных за последние десятилетия работах (Насибуллин 1980; 2014; Тараканов 1980; 1982; 1993; Geisler 2002; Кельмаков 2004; 2010; 2012; Идрисов 2013; Федюнева 2013; 2014; Эхмәтьянов 2015; Максимов 2018; 2023). Особо следует отметить осмысление этой линии пермских языковых связей в контексте распада прапермского единства в Белых 2009. Непротиворечивый взгляд на булгаро-пермские контакты и ряд новых булгаро-пермских этимологий представлены в книге Напольских 2018, а также в недавних статьях Напольских 2021; 2025. В целом, однако, приходится констатировать, что представления современных тюркологов и финно-угроведов о булгаро-пермских связях по-прежнему определяются, в первую очередь, трудом Ю. Вихманна с учётом поправок К. Редее и А. Рона-Таша. При этом несомненно, что как общий сценарий контактов, так и ряд частных проблем булгаро-пермского взаимодействия требуют дальнейшей разработки.

Среди нерешённых проблем и открытых вопросов булгаро-пермской контактологии следует специально остановиться на следующих. Во-первых, необходимо уточнить формальные критерии, на основании которых определённые слова пермских языков квалифицируются как болгаризмы. Во-вторых, стоит задача полноценной стратификации болгарских заимствований в пермских языках, что предполагает решение вопросов о том, сколько контактных событий связывало эти две языковые группы и какова их относительная хронология. В-третьих, для каждого из этих контактных событий должна быть выполнена характеристика языка-донора и языка-реципиента заимствований, а также — насколько это возможно — должны быть выдвинуты абсолютные датировки. В предла-

гаемом цикле статей будет предпринята попытка решить эти вопросы; попутно для ряда пермских слов впервые будут выдвинуты болгарские этимологии.

2. О формальных признаках болгаризмов в пермских языках

Одной из ключевых проблем при интерпретации корпуса тюркизмов в пермских языках является различение болгаризмов и поволжско-кыпчакских (татарских) заимствований. Приоритет при решении данного вопроса должен отдаваться фонетическим критериям, и лишь во вторую очередь должны учитываться аргументы, основанные на морфологии, семантике, распределении конкретных лексем внутри тюркской семьи и пермской ветви. Только по результатам оценки с точки зрения исторической фонетики можно уверенно говорить о том, что некоторая пермская форма совместима с болгаро-чуваши́ским источником, но не с татарским. В случае же с прочими критериями нередко бывает трудно исключить вероятность того, что форма с определённой суффиксацией или определённой семантикой существовала в поволжско-кыпчакских диалектах в прошлом, но не сохранилась в современном татарском языке. Здесь на помощь могут приходиться наблюдения над дистрибуцией конкретных основ и их значений по ареалам тюркской семьи (например, показательной может считаться ситуация, когда некоторая сущность не только отсутствует в татарском, но нехарактерна и для кыпчакской группы в целом), однако, как правило, выводы такого рода трудно считать окончательными. Ниже критерии нефонетического характера не рассматриваются.

Список важнейших фонетических изоглосс, разграничивающих проникшие в пермские языки тюркизмы «чуваши́ского» и «татарского» типа, был предложен уже Ю. Вихманном (Wichmann 1903: 1–4). Основанный на глубоком понимании как исследуемого языкового материала, так и сравнительно-исторического метода, в целом он сохраняет свою актуальность до сих пор. Неудивительно, что, возвращаясь к этому вопросу спустя десятилетия, А. Рона-Таш счёл нужным предложить лишь «небольшие уточнения» (“slight modifications”) к критериям Ю. Вихманна (Róna-Tas 1988: 763–764). Однако — при всей ценности его наблюдений — на текущем этапе приходится вновь обратиться к вопросу о диагностических признаках болгаризмов в пермских языках с учетом последних достижений в области исторической фонетики и этимологии соответствующих языковых групп. Пространство для совершенствования кроется, прежде всего, в экспликации тех фонетических процессов, которые сформировали специфический облик болгарской ветви тюркской семьи и нашли отражение в болгарской по происхождению лексике пермских языков. Ю. Вихманн ограничился в этом плане констатацией чуваши́ско-татарских фонетических корреспонденций и не пытался интерпретировать их в диахроническом ключе. Это было вполне оправдано в начале XX в., однако с тех пор сравнительно-историческая тюркология и, в частности, понимание природы соответствий между болгарскими и собственно тюркскими («узкотюркскими»²) идиомами ушли далеко вперёд (см. Мудрак 1989; 1993; СИГТЯ 2002: 677–706; СИГТЯ 2006: 9–227; Дыбо 2007: 10–64), так что оказывается возможным охарактеризовать диагностические черты болгар-

² Данный термин используется здесь вместо распространенного в тюркологии обозначения «общетюркский» (*Common Turkic*), поскольку употребление элемента *обще-* в последнем случае противоречит конвенциям сравнительно-исторического языкознания (ср., например, «общеславянский» как обозначение диалектного континуума, существовавшего после распада славянского праязыка, а не какой-то отдельной ветви славянских языков).

ской фонетики в терминах специфических архаизмов и инноваций. Искомое динамическое описание болгарской исторической фонетики находим в общем виде у А. Рона-Таша, но с постулируемыми им направлениями и прочими деталями фонетических переходов не всегда можно согласиться.

Ниже приводится список диагностических черт в сопровождении отдельных примеров из числа болгаро-чуваших заимствований удмуртского и — в тех редких случаях, когда такие параллели имеются, — коми языков. Здесь описываются лишь те фонетические развития, которые произошли на болгарской почве (т. е. в языке-доноре). В части случаев болгаризмы в удмуртском и коми могут быть формально опознаны лишь на том основании, что, проникнув в пермские языки раньше, чем кыпчакизмы, они — в отличие от последних — попали под действие ряда достаточно старых пермских развитий. Такие случаи будут рассмотрены ниже в секции 3.3. Кроме того, здесь обсуждаются только такие характерные для болгарской ветви фонетические развития, которые являются архаизмами или же, будучи инновациями, уже подействовали к началу болгаро-пермских контактов. Таким образом, данные критерии достаточны для отнесения того или иного слова к числу болгаризмов, но не для их стратификации. Обсуждение более поздних звуковых переходов, которые могут служить — надёжно или предположительно — основаниями для идентификации различных слоёв внутри корпуса болгаро-пермской контактной лексики, будет предложено в следующей публикации данного цикла.

Консонантизм

(i) Первый болгарский ротаизм: ПТ $*\text{ɟ}^3 >$ булг. $*r >$ чув. r [$\rightarrow$ удм., коми r] при ПТ $*\text{ɟ} >$ УТ $*z >$ тат. z . Один из определяющих признаков болгарской группы. Критерий № 11 по Ю. Вихманну (Wichmann 1903: 4) и А. Рона-Ташу (Róna-Tas 1988: 764). Ср. следующие этимологии.

- Удм. *bultır* ‘золовка; вторая (младшая) жена’, (бес.) *bultâr* ‘свояченица’ — к чув. *poldâr*⁴ ‘младший свойственник / младшая свойственница’ < ПТ $*bâldi\text{ɟ}$, откуда и тат. *baldâz* ‘младшая свояченица’.
- Удм. *jıran* ~ *jıraŋ* ‘межа’ — к чув. *jâran* ‘тж.’ < ПТ $*i\text{ɟ}an$ ‘борозда, межа’, откуда и тат. *âzan* ‘тж.’.
- Удм. *şeri* ‘шпулька, цевка’, (бес.) *şerâ* ‘шпулька, катушка (для ниток)’, коми *şuri* ‘уток, намотанный на цевку’, (диал.) *şuri* ‘цевка, шпулька (для наматывания пряжи)’, к.-перм. *şuri* ‘цевка (катушка для пряжи)’ — к чув. *śarâ* ‘кольцо; цевка (для тканья)’ < ПТ $*jü\text{ɟ}ük$, откуда и тат. *jözök* ‘перстень’. Из чувашского источника также тат. *şürä* ‘цевка, шпулька’, откуда обратное заимствование — чув. (диал.) *şürä* ‘тж.’.

Кроме того, неоднократно результат того же развития находим при адаптации конкретного суффикса: как удм. *-şır*, (бес.) *-şâr* отражается чувашский каритивный (лишительный) *-sər* < ПТ $*-sU\text{ɟ}$, откуда и тат. *-səz* ‘тж.’. Этот показатель содержится в следующих формах.

³ Здесь и далее пратюркский согласный, ставший источником соответствия булг. $*r \sim$ УТ $*z$, записывается при помощи заимствованного из Международного фонетического алфавита (МФА) символа $*\text{ɟ}$, что позволяет отразить его предполагаемое качество ретрофлексного аппроксиманта. Ср. бытующую в тюркологической литературе, но допускающую разнообразные фонетические интерпретации запись того же звука как $*\text{ɟ}$, $*\text{ɟ}$ либо $*\text{ɟ}$.

⁴ Здесь и далее поволжско-тюркские – чувашские и татарские – формы приводятся не в чисто тюркологической, а в несколько приближенной к уралистической транскрипции ради наглядности субституций, имевших место при освоении тюркской лексики пермскими языками.

- Удм. *añsır*, (бес.) *amsâr* ‘узкий’ — к чув. *an-zâr* ‘узкий’ (ширина-CAR) при тат. *iñ-saz* ‘узкий (о материи)’.
- Удм. (диал.) *eriksır* ‘против воли’ — к чув. *iräk-sär* ‘тж.’ (воля-CAR) при тат. *iräk-saz* ‘тж.’.
- Удм. *kañsır* ‘разомлевший, обессилевший, ослабевший’, *kañsıra-* ‘разомлеть, обессилеть, ослабеть’, (бес.) *kañsra-* ‘ослабеть’ — к чув. *kanzar* (< **kañ-zâr*) ‘беспокойный, трудный, тяжелый’ без соответствия в татарском. Ср. также чув. *kan-lâ* (< **kañ-lâ*) ‘спокойный’.
- Удм. *sesır*, (бес.) *sxsâr* ‘калека’ — к чув. *sûzâr* ‘калека; больной, раненый’, что отражает стяжение из *sivâ-zâr* (здоровье-CAR), при тат. *saw-sâz* ‘больной’.

(ii) Второй болгарский ротаизм: ПТ *-δ- > булг. *δ > *r > чув. r⁵ [→ удм. r] при ПТ *-δ- > кыпч. *j > тат. j. Критерий № 9 по Ю. Вихманну (Wichmann 1903: 3) и А. Рона-Ташу (Róna-Tas 1988: 764). Как известно, в болгаризмах венгерского языка и в хазарской титулатуре отражается ещё *δ (Дыбо 2007: 32–33), в послемонгольском чувашском — уже r. Переход должен был произойти в домонгольский период волжско-болгарской истории. Что касается исконной тюркской лексики, заимствованной в пермские, то известен только один пример на отражение данного развития: удм. *kır-si* ‘зять’, (бес.) *kâr-êâ* ‘зять’ — к чув. *kârii* ‘тж.’ < ПТ **güde-gü*, откуда и тат. *kijâw* ‘тж.’. Однако то же развитие находим и в удмуртском слове, продолжающем старое (домонгольское) заимствование в волжско-болгарский/древнечувашский: удм. *arña* ‘неделя’ ← чув. (верх.) *arña*, (низ., вторично) *ärnä* ‘тж.’ < др.-чув. **är(ä)ñä* < **ädiñä* ← кл.-перс. *âdîna* ‘пятница’. Ср. совершенно иное развитие в тат. *atna* ‘тж.’ из того же персидского источника.

(iii) Первая болгарская палатализация: ПТ *s / _I > булг. *š > чув. š [→ удм. š]. Другим тюркским языкам подобное развитие неизвестно, при этом данный критерий не приводится ни у Ю. Вихманна, ни у А. Рона-Таша. Переход *s- > *š- перед старым узким неогубленным гласным или i-образным элементом восходящего дифтонга отражается во всех доступных данных по историческим болгарским диалектам разных ареалов, так что можно предполагать, что он подействовал очень рано — по-видимому, вскоре после распада тюркского праязыка. Ср. следующие болгаризмы удмуртского языка.

- Удм. (диал.) *šidn-ar*, *šijnl-ar*, *šign-ar*, (бес.) *šänn-ar* ‘младший брат мужа’ — к чув. *šäll-*, (диал.) *šäln-* ‘младший брат’ < ПТ **sinil* ‘младшая сестра’, откуда и тат. *säñäl* ‘тж.’⁶.
- Удм. *šilan*, (диал.) *šlan*, *šolan*, *šjlan* ‘хвощ болотный’ — к чув. *šälan* ‘шиповник; хвощ болотный’. В чувашском — прозрачное производное (хабитуальное причастие на -An) от *šäl-* ‘подметать’ (в традиционном хозяйстве хвощ использовался как метёлка) < ПТ **sil(a)-*.

Вторая болгарская палатализация (развитие зубных взрывных в аффрикату) имела место значительно позже, уже в послемонгольскую эпоху; см. о ней в следующей статье цикла.

(iv) Отпадение пратюркских велярных в ауслауте многосложных основ: ПТ *-q#, *-k#, *-γ#, *-g# > булг. *-γ, *-g > чув. -0 [→ удм., коми -0]. В татарском конечные глухие велярные сохраняются, а звонкие дают -w, -j или стягиваются с предшествующим гласным в зави-

⁵ Кроме позиции перед последующим r основы и в ряде других специфических контекстов, где *δ > чув. j (СИГТЯ 2006: 34–35).

⁶ В элементе -ar удмуртской формы отражается, на мой взгляд, чув. ar ‘мужчина’ (так уже в Räsänen 1935: 104). Гонорифические постпозитивные употребления рефлексов ПТ *ēr ‘тж.’ известны в различных тюркских ареалах; ср., например, *Alp Er Toñä* (имя легендарного героя тюрков), удм. *biger* ‘татарин’ (отражение тюркского сложения *beg ‘князь’ + *ēr ‘мужчина’, см. Напольских 2018: 524) и т.д.

симости от вокалического окружения. В контексте болгаро-пермских связей данные развития составляют критерий № 12 по Ю. Вихманну (Wichmann 1903: 4) и А. Рона-Ташу (Róna-Tas 1988: 764). Промежуточный булг. *-γ, *-g ещё отражался как исторический *-v (синхронно — наведение долготы с огубленностью) в болгаризмах венгерского языка, а также как *-g в ранних волжско-булгарских заимствованиях восточнославянских языков (Дыбо 2007: 34–37). Однако в болгаро-чуваших заимствованиях финно-угорских языков Волго-Камского региона никакие следы конечных гуттуральных не обнаруживаются. Ср. следующие пермские этимологии, отражающие отпадение ПТ *-q#, *-k#.

- Удм. *beći*, (диал.) *böci*, *bići* и т. п. ‘жук (в целом или — по диалектам — отдельные разновидности: хрущ, навозник, светлячок); личинка овода’ — по-видимому, заимствование из незафиксированного чувашского слова, восходящего к прототипу вида **bö(j)ci* < **bö(j)čä-j* (DIM) и отражающего (с усечением конечного веллярного) ПТ **böğ-čäk* (~ -č-) ‘насекомое’, не имеющее рефлекса в татарском (СИГТЯ 2001: 184–185; EDAL: 358)⁷.
- Удм. *buśon*, (бес.) *biśon* ‘свояк’ — к чув. *požana* ‘тж.’ < ПТ **bāča-naq*. В татарском — только *baža* ‘тж.’, рефлекс бессуфиксальной основы.
- Удм. *šerj* ‘шпулька, цевка’, коми *šuri* ‘уток, намотанный на цевку’, ср. также удм. и коми диалектные формы выше под критерием (i) — к чув. *šə°rə°* ‘кольцо; цевка (для тканья)’ < ПТ **jii.čük*, откуда и тат. *jöžök* ‘перстень’.
- Удм. *kupo*, (бес.) *käpo* ‘гость’ — к чув. *xə°pa* ‘тж.’ < ПТ **qon-aq*, откуда и тат. *qinaq* ‘тж.’.

Ниже приводятся удмуртские слова, в которых отражается развитие ПТ *-γ#, *-g# > чув. -0.

- Удм. *busi* ‘поле, угодье, клин’ — к чув. *pozâ*, *pos* ‘отдельные части поля; поле; земля под паром’. Чувашское слово восходит, по-видимому, к *pos-* ‘давить’, среди переносных значений которого отмечено ‘копать, вскапывать, взрыхлять’ — т. е. это ‘участок для вскапывания’. От той же глагольной основы (ПТ **bas-* или, скорее, **pas-*, о чём см. ниже в секции 3.2) образовано тат. *basâw* ‘пахотное (ещё не засеянное) поле’ (при тат. диал. *bas-* ‘копать’). Имя с таким значением ограничено поволжско-тюркским ареалом, и в татарском очень вероятна калька с болгаро-чувашского образца, но формально чув. *pozâ* и тат. *basâw* возводимы к ПТ **pas-uγ*. В Wichmann 1903: 50–51 предполагается чувашизм на том основании, что в случае татарского заимствования в удмуртском ожидалась бы форма типа ***bas(i)u* с -a- в первом слоге. Критерий корневого гласного не надёжен (в старом кыпчакизме вполне можно было бы ожидать удм. -и-, о чём см. в следующей части исследования), но в ауслауте удмуртская форма действительно отражает простой узкий гласный, а не сочетание с глайдом. Ср. отмеченные Ю. Вихманном примеры на адаптацию тат. -âw в удмуртском: тат. *darâw* → удм. *dar(i)u* ‘лекарство’, тат. *tatâw* →

⁷ Традиционно считается, что к ПТ **böğ* восходит и чув. *pə°van*, которое по своему набору значений, действительно, очень близко к рассматриваемому удмуртскому слову (‘слепень, овод; жук-навозник; общее название жуков и некоторых др. насекомых’), однако данная этимология сама по себе совершенно не объясняет заднерядный вокализм чувашской формы. Заметим, что формально последняя прозрачно анализируется как хабиутальное причастие на -An от ПТ **boγ-* > чув. *pə°v-* ‘душить, давить’. В таком случае можно предполагать в чувашском контаминацию чистой основы ПТ **böğ* (первичная семантика которой, судя по рефлексам в других тюркских языках, — ‘ядовитый паук’) и ПТ **boγ-* ‘душить’ — с актуализацией роли паука как «душителя» жертвы своей паутиной. Позднее чувашское слово приобрело ту же полисемию ‘жук’ ~ ‘овод; слепень’, что и рефлекс **böğ-čäk*, при этом в исходном употреблении ‘паук’ оно было заменено очевидной инновацией *äräšmän* (производное от *äräš* ‘плетение, узор’ персидского происхождения).

- удм. *tat(i)u* ‘мирный, дружный’. Ср. также чув. *pozû* ‘поле; земля под паром’ — по-видимому, татаризм. Показателен облик сразу нескольких продолжений этого слова в марийском: **pɔsɔ̃* ‘поле’ (старый чувашизм), **pɔsɔ̃w* ‘пустырь, выгон’ (старый татаризм), **pasûw* ‘поле (засеянное или возделанное под посев)’ (новый татаризм).
- Удм. *ćulka*, (диал.) *ćulko* ‘чулки, носки’ — к чув. *ćɔ̃lɣa* ‘тж.’. Ср. тат. *ćɔ̃lɣaw* ‘портянки, онучи’. На чувашский источник указывают как значение удмуртского слова, так и вокалический ауслат (в случае татаризма ожидалось бы *-au*, как в тат. *ataw* → удм. диал. *atau* ‘остров’ и т. п.).
 - Удм. (+бес.) *śulo* ‘кнут, бич’ — к чув. *śola* ‘плеть, кнут’. Ю. Вихманн сравнивал чувашское слово с якут. *talax* ‘тальник, ива’ (Wichmann 1903: 100), но это ложная параллель. В якутском отражается диминутив от ПТ **dal* ‘ива’, в то время как чув. *śol-a* (DIM) производно от ***śolâ* < ПТ **ćal-uɣ* (Räsänen 1920: 194; СИГТЯ 2006: 53) < **ćal-* ‘бить и т. п.’. Ср. тат. *ćalâw*, значения которого отражают иные пути развития семантики ПТ **ćal-* (‘косить’, ‘мести’ и т. д.), но не семантику типа ‘хлестать, стегать’, с которой связан ‘кнут’.

(v) Развитие ПТ **n*, **ŋ* > чув. *m* в специфическом окружении [→ удм. *m*]. Критерий № 13 по Ю. Вихманну (Wichmann 1903: 4) и А. Рона-Ташу (Róna-Tas 1988: 764). Детали этого довольно сложно устроенного развития см. в Мудрак 1989: 218–220; также см. несколько отличающуюся интерпретацию в СИГТЯ 2006: 44–48. Ср. отражение данного перехода в следующих болгаризмах удмуртского языка.

- Удм. *it̃m* ‘гумно, ток’ — к чув. *jədäm*, *idäm* ‘тж.’. Когнатом в татарском является *idän* ‘пол’; за пределами Волго-Камского региона, также с исходом на *-n*, слово известно в карлукских языках (Әхмәтъянов 2015, I: 293). Удмуртское слово (как и марийское **jidäm* ‘гумно, ток’) отражает заимствование из недокументированного чувашского варианта со вторым узким гласным. Возможно, открытый второй гласный в современном чувашском — результат татарского влияния?
- Удм. *итој* ‘хороший, правильный’ — к чув. *maj* ‘лад, порядок, толк’, ср. *maj-lâ* ‘удобный, годный; красивый’. Предковая по отношению к современному чувашскому форма типа **vmaј*, ставшая источником удмуртского слова, восходит к ПТ **oŋ-aј* ‘лёгкий, удобный и т. п.’, архаичному производному от **oŋ-* ‘удаваться, спориться’ (ЭСТЯ 1: 460; СИГТЯ 2006: 43). Из того же источника — тат. *иңај* ‘удобный, хороший; лад’. Хотя синхронно значение неатрибутивной чувашской основы дальше отстоит от удмуртского, чем татарское, с учётом *-m*-булгаризм несомнен. Насколько известно, чувашская этимология предлагается для удмуртского слова впервые.

(vi) Развитие ПТ **j-* > булг. **ǰ-* > чув. *ś-* [→ удм., коми *ś-*] при ПТ **j-* > тат. *j-/ǰ-* (с позиционным/диалектным распределением). Критерий № 6 по Ю. Вихманну (Wichmann 1903: 3) и А. Рона-Ташу (Róna-Tas 1988: 763). Волжско-булгарский рефлекс типа **ǰ-* отражается в торговом заимствовании в древнерусский язык *жънчугъ* (при ПТ **jincûk*, см. Дыбо 2010: 112). По-видимому, звонким фрикативным в языке-источнике объясняется и облик следующего очень раннего заимствования в марийский: **jeŋ* ‘человек’ ← в.-булг. **ǰŋġ* (чув. *śjġnâ* ‘тж.’) < ПТ **jalŋiq* (‘отдельный) человек, индивид’. Однако в болгаро-пермской контактной лексике представлен только *ś-*. См. рассмотренный выше под критериями (i)

⁸ Здесь и далее я использую собственную реконструкцию «общемарийской» фонетики по состоянию примерно на XIV–XV вв.

и (iv) случай удм. *šerj* ‘шпулька, цевка’, коми *šuri* ‘уток, намотанный на цевку’, детально разобранный в секции 3.1 основу удм., коми *šam-* ‘лад’ (продолжение раннего булг. **žen* ~ УТ **jan*), а также случаи удм. *šek-īt*, коми *šek-īd* ‘тяжелый’ при ПТ **jūk* и удм. *šil’-*, коми *šiv* ‘ветер’ при ПТ **jēl*, детальное обсуждение которых будет предложено в следующей публикации цикла. Для сравнения в татаризмах удмуртского языка рефлекс ПТ **j-* отражается как *ž-* либо *j-* в зависимости от реализации в идиоме-доноре и от конкретного удмуртского диалекта.

Указанными случаями в общем ограничиваются консонантные критерии для дифференциации болгарских и кыпчакских заимствований в пермских языках, подтверждаемые более чем одним примером. Помимо этого, нужно рассмотреть несколько изолированных с точки зрения фонетических развитий пермских слов, болгарское происхождение которых, тем не менее, не подлежит сомнению.

(vii) На фоне множества случаев отражения в пермской лексике основ с ротацизмом неудачно полное отсутствие в известном корпусе примеров с отражением другой канонической черты болгарской исторической фонетики — ламбдаизма (ПТ **t* > булг. **l* > чув. *l*). При этом, однако, есть примеры на особое развитие ПТ **t* в позиции перед гласным (правило О. А. Мудрака): > булг. **š* > чув. *š* (-ž-). Само по себе это развитие не помогает в разграничении болгарских и кыпчакских заимствований, поскольку в татарском *š* — базовый рефлекс ПТ **t*. В случаях типа удм. (диал.) *=jaška* ‘суп’ при чув. *jaška* ‘тж.’ (см. детали под критерием xiv) < булг. **ieŭa* ~ УТ **aš* чувашский источник устанавливается на основании других факторов, а не развития **t*. Однако наряду с этим нужно отметить и следующий нетривиальный случай: удм. *tīš* ‘зерно, зёрнышко; семя; ядро, косточка (плода)’, (бес.) *tāš* ‘зерно, зёрнышко’, коми *tuš* ‘зерно, зёрнышко; ягода; капля’, (к.-перм.) *tuš* ‘зерно (злаков); ягода; капля’ — к чув. *təʒəʒ* ‘зерно; ядро, косточка (плода)’ < ПТ **tūtā*, откуда и УТ **tūš* > тат. *töš* ‘ядро (ореха и т. п.)’. Чувашское слово не может быть татаризмом ввиду конечного редуцированного; для пермских форм также следует предполагать болгарское, а не кыпчакское происхождение с учётом ожидаемой прямолинейности субституций в случае татаризма. Здесь же нетривиально как вокалическое соответствие, так и *š* на месте ПТ **t*. Есть соблазн предположить, что это — специфическое отражение рефлекса пратюркского латерального фрикатива в ранних болгаризмах пермских языков (ср. и широкое распространение данного слова в пермской группе). К сожалению, других примеров на такую субституцию нет, поэтому данное объяснение остаётся гипотетическим. Ср. иную трактовку перм. *š* как субституции чув. *š* в Wichmann 1903: 15.

Под критерием № 7 у Ю. Вихманна (Wichmann 1903: 3) и А. Рона-Таша (Róna-Tas 1988: 763) объединены неоднородные случаи с выпадением на чувашской почве инлаутного **l*. Реально здесь отражены, по крайней мере, два самостоятельных процесса.

(viii) ПТ **l(I)N*, где **N* = **n*, **ŋ* > булг. **N* > чув. *n* [→ удм. *N*, коми *n*]. На стяжение комплекса уже на ранних этапах бытования волжско-болгарских диалектов указывает упомянутое выше — и очень архаичное по облику — заимствование в марийский (**jen* ‘человек’ при ПТ **jalŋuq*). На пермском материале ср. случай удм. *ken* ‘сноха, невестка’, к.-перм. *ken-ak* ‘жена брата’ — к чув. *kin* ‘сноха, невестка’ < ПТ **gēlin*, откуда и тат. *kilən* ‘тж.’.

(ix) ПТ **tč*, **l(I)č* > чув. *š* [→ удм., коми *š*]. Датировка этого перехода не совсем ясна. Согласно Erdal 1993: 163, промежуточная между ПТ **batč* и чув. *poš* ‘голова’ форма отражается в волжско-болгарских эпиграфиях как *ba(l)č-*, но такое чтение проблематично, в общем гипотетично и в любом случае не может служить основанием для лингвистиче-

ской хронологии, пока корпус болгарской эпиграфики не будет адекватным образом издан и интерпретирован. На пермском материале ср. случай удм., коми *kis* ‘бёрдо (деталь ткацкого станка)’ — к чув. *xəš* ‘меч; бёрдо’ < ПТ **qilić*, откуда и тат. *qälâc* ‘тж.’.

Следующий критерий — (x) — связан с архаичным развитием чувашских основ, которые содержат в ауслауте как бы «избыточный» заднеязычный согласный — в том смысле, что никаких его следов в узкотюркской ветви не обнаруживается. Это случаи типа чув. *ojâx* ~ УТ **āñ* ‘луна, месяц’, чув. *tə˚lə˚k* ~ УТ **dũš* ‘сновидение’, чув. *pilak* ~ УТ **bēl* ‘поясница’ и т. д. Традиционно подобные примеры объяснялись особой суффиксацией в болгарской ветви, что сомнительно. Вместо этого в Мудрак 1989: 220–221; СИГТЯ 2006: 56 было предложено возводить такие случаи к пратюркским основам вида **(C)VLK*, т. е. оканчивающимся на сочетание сонанта и заднеязычного. Такая реконструкция позволила объяснить одновременно и сохранение заднеязычного в чувашском (как в однословах), и утерю его в узкотюркской ветви (в результате упрощения сочетания согласных в абсолютном конце слова; единственное исключение составляют сочетания типа **-rK*, которые в узкотюркском не упрощаются, а разбиваются вставным гласным или сохраняются, а в якутско-долганской и тувинско-тофаларской кладах переходят в *-rt*). На пермском материале ср. случай удм. (диал.) *tuluk*, (вторично) *tulup* ‘сирота’ — к чув. *tə˚lə˚x* ‘сирота; вдовый’ < ПТ **dulq*, откуда и тат. *töl* ‘вдовый’.

(xi) Удм. *įštir* ‘онучи’, (бес.) *âštâr* ‘портянки’ является заимствованием из чув. ***âštâr*, не сохранившегося в современном языке сложения основ *âš* ‘внутренность; внутренний’ и *tir* ‘кожа, шкура’ (с закономерной редукцией гласного во втором элементе композита). В чув. *âš* (< ПТ **ic* > тат. *âc* ‘тж.’; ср. тюркизм в русском *ичиги* ‘род обуви на мягкой подошве’) отражается случай специфического развития ПТ **c* > чув. *š* (при регулярном рефлекс-се *ś*; см. об этом Wichmann 1903: 15). Из чувашского источника также тат. *âštâr* ‘портянки, онучи’, мар. **ištâr* ‘тж.’. Ошибочное объяснение марийской и пермской форм на уральской почве см. в UEW: 827.

(xii) Удм. *bam*, (диал.) *baŋ*, коми *ban* ‘лицо; щёки’ традиционно считается заимствованием из незафиксированного болгарского рефлекса ПТ **beŋ* ‘лицо; внешность; родимое пятно’; ср. УТ **beŋ-iz* ‘внешность; вид’. В общем не является проблемой явно иной рефлекс в чув. *min* ‘красное пятно на лице’, которое может считаться надёжным татаризмом (*miŋ* ‘родимое пятно, родинка’). Проблему здесь как будто может составлять отражение в пермском материале неназализованного рефлекса ПТ **b-*, ср. многочисленные случаи назализации перед историческим носовым в чувашском: *mâ˚j* ‘шея’ (< **bojn* < ПТ **bojin*), *mâ˚jraga* ‘рог’ (< ПТ **biŋŋi*), *miŋ-ä* ‘мозг’ (< ПТ **beŋŋi*). Однако по реконструкции А. В. Дыбо (личное сообщение), в болгарской ветви назализация начального губного происходила лишь в том случае, если последующий носовой находился внутри консонантного кластера. Таким образом, основа **beŋ* с простым **-ŋ* в исходе не попадает под действие назализации, и пермский материал (возводимый к прототипу **baŋ* < **bän*) закономерно отражает форму чувашского типа.

(xiii) У Ю. Вихманна под критерием № 8 (Wichmann 1903: 3) приводится случай удм. *eñer*, (диал.) *eñer*, коми (диал.: лузско-летские и среднесысольские говоры) *eñir* ‘седло’ — к чув. *janär*, (диал.) *anär* ‘тж.’ < ПТ **eñer* с характерным болгарским развитием **ð > j / _Vr* и — в стандартном чувашском — с выносом *j* в анлаут по метатезе. В татарском находим рефлекс *ijär* ‘тж.’, где отражается особое развитие ПТ **-ðŋ-* в переднерядном окружении:

> кыпч. *-j- > тат. -j-. А. Рона-Таш (Róna-Tas 1988: 764) не принимает данный критерий Ю. Вихманна, считая, что чувашская форма имеет иное происхождение (< ПТ **ijir*, имеющее продолжение как чистая основа в якутско-долганском и галицком караимском). Это маловероятно; по крайней мере, в таком случае неясен открытый гласный во втором слоге чув. *jənär*. Ср. также удм. *énerčak*, (диал.) *ejerčak* ‘чересседельник’, этимологически тождественное мар. **örənčäk* ‘седёлка’ (с метатезированными сонантами) и отражающее раннюю чувашскую форму типа ***jənär-žäk* (DIM) (в современном языке — *jənär-žak* ‘седёлка’ с регулярным для данного суффикса сокращением гласного). Этот набор форм следует отделять от тат. *ñgärčaq* ‘седёлка’ ← ср.-монг. *inγirčaq* ← некоторый рефлекс ПТ **ijir-čAK* (DIM).

Вокализм

(xiv) Сохранение глайдового элемента пратюркских восходящих дифтонгов: ПТ **iV-* > булг. **jV-* > чув. *jV-* [→ удм. *jV-*] при ПТ **iV-* > УТ **V-* > тат. *V-*. У Ю. Вихманна подобные случаи вместе с примером (xv) составляют критерий № 4 (Wichmann 1903: 2–3). Ср. следующие удмуртские этимологии.

- Удм. =*jaška* ‘*суп’ в составе (диал.) *akajaška*, *akaška*, (бес.) *akajaška* ‘праздник начала весенних полевых работ’ — к чув. *aga jaški* ‘моление и пирушка по окончании ярового сева’. Чувашский композит состоит из основ *aga* ‘сев; соха’ и *jaš-ka* ‘суп’, где второй компонент восходит к булг. **jeŕa*. Последней праформе соответствует УТ **aš* ‘пища’, откуда тат. *aš* ‘суп, пища; пир’. Детали этимологии и этнографический контекст употребления удмуртского композита см. в специальной статье (Напольских 2021).
- Удм. (+бес.) *jubo* ‘столб’ — к чув. *joba* ‘тж.’. Чувашская форма — образование от ПТ **iör* ‘возвышение’ (с наращением диминутивного -a), откуда и УТ **ör-uz* ‘возвышенность, бугор’ (без рефлекса в татарском). В чувашском это обозначение, прежде всего, намогильного столба, но также и любого столба вообще.
- Удм. (+бес.) *jut* ‘исцеление, излечение’, также в составе *em=jut* ‘лекарство, снадобье, зелье’ — к чув. *jot* ‘особая форма колдовства’, *im=jot* ‘жидкое лекарство; нечисть, злые духи’. См. полезный разбор в Wichmann 1903: 64–66. При обсуждении этого случая нередко смешиваются несколько этимологий, что немудрено, поскольку в чувашском с *im=jot* сосуществуют — и, судя по всему, активно контактируют — очень похожие как по форме, так и по семантике композиты *im=jat* ‘зелье’, *im=šam* ‘лекарство; мазь, проклятие’, *im=šom* ‘лекарство’. Чув. *jot* ‘колдовство’ (ср. *jot-žä*, *jot-žs* ‘знахарь, ворожея’, *jot-la-* ‘ворожить, гадать’), как предлагал уже Х. Паасонен (Paasonen 1902: 261–262), следует возводить к ПТ **Kiam* > УТ **qam* ‘шаман’ (ср. **qam-la-* ‘ворожить, камлать’). Чув. *šam* ‘лекарство’ является обособившимся вариантом *šäm* ‘способ, *средство’ (из последнего варианта заимствовано семейство пермских слов на *šam-*, о котором см. ниже в секции 3.1). Чув. *jat* (самостоятельно не употребляется) может быть интерпретировано как контаминация *šam* и *jot*. Чув. *šom* ‘сорная трава’ < ПТ **joŋ* ‘тж.’.
- Удм. (диал.) *juši* ‘печаль, скорбь, грусть; жалостно’ — к чув. *jüšš-i* ‘горькое, горечь’, (метафорически) ‘неудача’. Чувашская форма — субстантивация от *jüžä* ‘кислый, горький’, перен. (!) ‘огорчительный’ < ПТ **iäčiy* ‘горький; кислый’, откуда и тат. *ačä*, *äčä* ‘тж.’.

(xv) Вторичные болгарские **j*-дифтонги из ПТ **i*, **ī* (далее обобщенно **ī*) в начальной позиции (см. Мудрак 1993: 70): ПТ **ī-* > булг. **īj-* > **jV-* > чув. *jV-* [→ удм. *jV-*] при ПТ **ī-* >

УТ *ĭ- > тат. Ə-. Единственный пример — удм. *jīraŋ* ~ *jīran* ‘межа’ — к чув. *jâran* ‘тж.’ < ПТ *ĭ₁an ‘борозда, межа’, откуда и тат. *âzan* ‘тж.’. Вместе с некоторыми примерами, перечисленными под рубрикой (xiv), этот случай составляет критерий № 4 у Ю. Вихманна (Wichmann 1903: 2–3). Аналогично под критерием № 4 (где при этом не упоминаются основы, отражающие первичный дифтонг) данная основа приводится у А. Рона-Таша (Róna-Tas 1988: 763).

Поскольку болгарская система гласных претерпела серьёзную перестройку в поволжском ареале, причём довольно позднюю, прочие вокалические критерии болгаризмов напрямую имеют отношение к вопросу о стратификации заимствований чувашского типа в пермских языках. В связи с этим они рассматриваются в нижеследующих секциях настоящей публикации, а также в следующей публикации цикла.

3. «Ядерный» слой болгаризмов в пермских языках

Столь долгий и неослабевающий интерес тюркологов и финно-угроведов к проблеме болгаро-пермских отношений во многом обусловлен тем, с каким трудом соответствующая контактная лексика поддаётся интерпретации с точки зрения установления системы субституций, датировки и стратификации. К этому привело сочетание ряда обстоятельств. Судя по данным письменной истории и археологии, собранным ранее лингвистическим свидетельствам, активные контакты между носителями болгарских и пермских идиомов продолжались в течение очень значительного периода: начиная с VIII в., когда болгары обосновались в Волго-Камском бассейне, и до XVI–XVII вв., когда группы чувашей фиксируются русскими источниками по соседству с удмуртами в Нижнем Прикамье. На многообразии контактных ситуаций указывают всевозможные паттерны распространения болгарских заимствований в пермских. Конкретные картины дистрибуции могут иметь следующий вид: все пермские идиомы (панпермская дистрибуция); удмуртский + коми-пермяцкий + южные коми-зырянские диалекты; удмуртский + коми-пермяцкий; только коми; только южные коми-зырянские диалекты; только удмуртский; удмуртские диалекты + бесермянское наречие; только бесермянский и т. д. На этом материале наблюдаются разнообразные паттерны субституции болгарской фонетики пермскими идиомами и разнообразные паттерны внутрипермских соответствий. При этом общее число болгаризмов в пермских оказывается — на фоне столь продолжительных контактов — очень ограниченным. С учётом того, что, с одной стороны, часть принятых Ю. Вихманном этимологий ныне можно считать развенчанными, а с другой — за прошедший век был предложен ряд новых этимологий, это число остаётся практически неизменным по сравнению с оценкой (Wichmann 1903) — около 160 случаев⁹. Более 100 из них присутствуют только в удмуртском и отражают достаточно поздние чувашско-удмуртские контакты. Таким образом, остаётся всего около 60 этимологий, которые могут служить материалом для анализа всех прочих контактных ситуаций. Учитывая внутреннюю неоднородность языковых данных, тривиальные методы изучения контактной лексики оказываются недостаточными для адекватной интерпретации этого корпуса схождений.

⁹ Здесь учтены около 120 случаев заимствования в пермские болгарских слов, реконструируемых на пратюркский уровень; около 30 случаев заимствования через болгарское посредство лексики иных языков; более десятка лексем идеофонного происхождения, попавших в пермские языки, по-видимому, из болгарского. Не включены многие традиционно считающиеся болгарскими по происхождению слова, для которых, на самом деле, татарский источник является равновероятным (на данный момент учтено около 70 таких случаев).

Представляется, что успешное решение данной задачи зависит от выявления внутри достаточно хаотично устроенного массива булгаро-пермских схождений «ядерного» слоя, который мог бы стать опорной точкой для дальнейшего анализа. Промежуточная цель состоит в том, чтобы составить такой корпус булгарских заимствований в пермских, все элементы которого с высокой вероятностью отражают одно и то же контактное событие, т. е. все они заимствованы из одного и того же идиома-донора в один и тот же идиом-реципиент в пределах одного и того же периода. Наиболее адекватным образом искомый набор этимологий может быть отобран при предъявлении кандидатам на включение следующих требований.

- (1) Включению в корпус подлежат лексемы, исторически имевшие панпермское распространение. Таким образом в центре анализа оказывается наиболее проблемный — и потенциально наиболее информативный — слой булгарских заимствований в пермских языках. В синхронном разрезе к «исторически панпермскому» распространению приравнивается присутствие некоторой лексемы в коми за пределами южнокоми ареала (который составляют коми-пермяцкие и коми-язьвинские, а также южные зырянские диалекты). Несоблюдение этого критерия грозит смешением пластов заимствований, поскольку лексемы булгаро-чувашского происхождения, присутствующие только на юге коми территории, могли быть заимствованы через удмуртское посредство либо же из особого, ныне вымершего диалекта чепецких чувашей (о чём см. следующую часть исследования). Аттестация лексемы в удмуртском не является обязательной, поскольку единственное исторически правдоподобное объяснение случаев, когда некоторое булгарское слово широко распространено у коми, но отсутствует у удмуртов, — это его изначально панпермская дистрибуция с последующим выпадением из удмуртского языка.
- (2) Другим — и тоже обязательным — критерием для включения является отражение в пермском слове наиболее частотных продолжений тех или иных пратюркских фонем. Проведём мысленный эксперимент, представив, что субституциями булгарских рефлексов ПТ **a*, **ā* в коми в восьми случаях является *a* (эти случаи составляют группу 1), в двух — *o* (группа 2); в такой ситуации включению в «ядерный» корпус подлежат только лексемы из группы 1. Также представим, что субституциями булгарских рефлексов ПТ **u*, **ū* в коми в восьми случаях является *i* (группа 3), в двух — *u* (группа 4); включению в корпус подлежат только лексемы из группы 3. Исходим из предпосылки, что лексемы из групп 1 и 3 с большой вероятностью проникли в предковое состояние коми в рамках одного и того же контактного события.

Данным условиям удовлетворяют несколько десятков этимологий¹⁰, демонстрирующих почти идентичную (максимально широкую) историческую дистрибуцию и единообразные субституции рефлексов пратюркских фонем; см. представленный в секции 3.1 список из 20 наиболее показательных этимологий. Для наглядности аргументации на этой стадии не обсуждаются случаи, где коми-удмуртские фонетические соответ-

¹⁰ Ср. традиционные оценки (Wichmann 1903; Rédei & Róna-Tas 1983 и др.), согласно которым около 20–30 булгарских заимствований проникли не только в удмуртский язык, но и в коми. С одной стороны, часть традиционных этимологий не подходят под наши критерии и не включаются нами в корпус; с другой стороны, ниже предлагается ряд совершенно новых булгаро-пермских этимологий. Как итог наше представление об общем числе булгаризмов с исторически панпермской дистрибуцией оказывается в общем совпадающим с подсчётами предшественников.

ствия демонстрируют нерегулярности; также ввиду их особого статуса при анализе пока игнорируются основы идеофонного характера. Пермский материал иллюстрируется синхронными удмуртскими и коми формами; на данном этапе я воздерживаюсь от реконструкции общих предковых форм, поскольку заимствование в прапермский язык, а не в пост-прапермское состояние требует специального доказательства (о чём см. секцию 3.3). Язык-источник заимствований идентифицирован как «древнечуваши́х» (см. секцию 3.2). Обсуждаемая лексика идиома-донора является, как правило, исконно тюркской по происхождению, в редких случаях речь идёт о ранних заимствованиях в болгарскую ветвь из третьего источника (таким образом исключается возможность проникновения в список анахронистичных этимологий — случаев появления некоторого слова в чувашском заведомо позже обсуждаемых контактов с пермскими). Высокая заимствуемость конкретного чувашского слова соседними финно-угорскими языками часто может быть подтверждена марийскими, значительно реже — мордовскими данными; для убедительности такой материал также включается в роспись этимологий. В рассматриваемых ниже случаях направление заимствования (из идиома чувашского типа), как правило, не вызывает сомнений. Изредка на роль формального источника пермского слова может претендовать и татарский, но такая возможность отвергается по историко-культурным и системным соображениям. Дело в том, что за последнее столетие утвердилась та точка зрения, что прямых татарских заимствований с широкой дистрибуцией в языке коми нет; самое большее, можно говорить о словах в конечном счёте татарского происхождения, проникших в коми из русских диалектов, а также о немногочисленных локальных татаризмах в коми-пермяцком наречии (Wichmann 1903: XXII–XXIII; Лыткин 1959: 109; Тараканов 1980: 128; Rédei & Róna-Tas 1983: 30; Белых 2009: 50). Нет оснований ставить этот консенсусный взгляд под сомнение: по крайней мере, никем ещё не был составлен такой список общекоми лексем, для которых татарская этимология была бы более предпочтительной, чем чувашская. И вряд ли такой список будет составлен в будущем, поскольку предки коми-зырян ушли с территории Прикамья на север задолго до того, как социолингвистически доминирующие позиции в Волго-Камском регионе заняла кыпчакская речь (Напольских 2018: 95–96). Основания для критики нижеследующих этимологий по семантическим основаниям, по возможности, также сведены к минимуму: если некоторое сопоставление требует предположения о нетривиальном семантическом переходе в одном из сравниваемых языков, то приводятся и другие реализации такого перехода в пределах того же языкового ареала.

3.1. Основной корпус этимологий

- Удм. (диал.) *akâ*, *ak*, *ako* ‘старшая сестра; сестра отца’, коми *ak-añ* ‘кукла; бабка (надкопытный сустав)’ ← др.-чув. **äkkä* (чув. *akka* ‘старшая сестра; сестра отца’) < ПТ **eke*. Удмуртское слово числится как чувашизм уже в Wichmann 1903: 38. Ср. тат. диал. *igä-ć* ‘родная тётка’ с узким гласным в первом слоге, хотя в Золотницкий 1875: 133 и находим тат. ‘эгэч’ ‘старшая сестра’ — как будто отражение варианта *ägä-ć*? Об основаниях для сравнения коми слова (где *-añ* — диминутивный аффикс) с удмуртским и чувашским см. КЭСК: 31. С точки зрения семантики это сопоставление, на первый взгляд, не вполне очевидно, но ср. рус. *бабка* в значении ‘игрушка’ (СРНГ 2: 22), что очень напоминает ‘куклу’ в коми, и *бабка* в значении ‘надкопытный сустав’. Чув. → мар. **äkä* ‘старшая сестра; тётя’, морд. *aka* ‘тж.’.
- Удм. *ап* ‘набилки (две грядки, куда вставляется бёрдо); ширина основы (напр., холста)’, (диал.: красноуфимские говоры) *añ* ‘ширина холста’ (Насибуллин 1978:

105), коми *ап* ‘остов (бёрда)’ ← др.-чув. **āη* (чув. *ап* ‘ширина — обыкновенно о материи; полотнище’) < ПТ **ēη* ~ **ēп*. Ср. тат. *иη* при сиб.-тат. (барабинский диалект) *āп* ‘ширина (материи)’ (Тумашева 1992: 37). Чув. → мар. **āη* ‘ширина полотна; полотнище’. Чувашия этимология для удмуртского слова (но без коми) впервые предложена, наверное, в Федотов 1968: 97. В КЭСК: 32 данный этимон неоправданно объединён со следующим.

- Удм. *ап*, (диал.) *аη* ‘челюсть’, коми *ап* ‘нёбо; дёсны’ ← др.-чув. **āη* (чув. *ап-а* ‘подбородок’, *апа* *šā°tti* ‘челюсть’) < ПТ **ēη(-ek)*. Насколько известно, в таком виде чувашская этимология для пермского слова публикуется здесь впервые. Основа не значится в списках пермских болгаризмов, приложенных к работам Wichmann 1903 и Федотов 1968; в КЭСК чувашская параллель для коми и удмуртского слова не упоминается. В своде Тараканов 1982: 40 удмуртское слово предлагается считать чувашизмом, но источник идентифицирован неверно (чув. *ап* ~ *авāп* ‘плечо’ < др.-чув. **āwāп*, что не имеет отношения к др.-чув. **āη* ‘челюсть’).
- Коми *ар* ‘мальки’, *ар-пи* ‘малёк’ (*пи* ‘сын, детёныш’), (к.-язьв.) *ар*, (диал.: летские и печорские говоры) *šed ar* ‘вандыш (вид мелкой рыбы)’ ← др.-чув. **ār* ‘малый, маленький’ < ПТ **āḷ*, откуда и тат. *аз* ‘мало; малый’. Чув. → мар. **ar* ‘малый; младший; молодой’. Чувашия также хорошо представлено как топооснова (*Ор-*, *Ар-*) в чувашской топонимике, но в современном языке полностью вытеснено монголизмом *рэзэк*. В связи с семантикой коми *ар* ср. происхождение рус. *малёк*. Чувашия этимология для коми слова впервые предложена, по-видимому, в Федюнева 2013: 10¹¹.

¹¹ В недавней статье (Федюнева 2025), посвященной происхождению ихтионимов на *ар(з)-* в коми и русских говорах, чувашская этимология уже не упоминается. Не имея возможности рассмотреть здесь детально этот в общем побочный для основной темы статьи вопрос, отмечу, что, на мой взгляд, при обсуждении этого семейства слов необходимо различать несколько первичных этимологических гнезд. Первое составляет упомянутое коми *ар* ‘мальки’ чувашского происхождения. В КЭСК: 33 с *ар* этимологически отождествляется коми *арга* ‘мальки’, но здесь вероятна контаминация. Последнее слово ареально связано не только с рус. (диал.: вятское, уральское) *арг-ыш* и т.п. ‘гольян’, но и с чув. (диал.) *ārga* ‘голец, *Barbatula barbatula*’. Чувашия слово, кажется, не фигурирует ни в одном лексикографическом источнике по чувашскому языку, но автор свидетельствует о бытовании онога в его родном говоре (д. Абыркино Нурлатского р-на Татарстана). Явно из чувашской диминутивной формы на *-i* заимствовано тат. (диал.: говоры правобережных кряшен) *ārγi* ‘ёрш’. Таким образом, второе этимологическое гнездо составляют основы типа *VrgV*, обозначающие различные виды не имеющей хозяйственного значения, чаще придонной рыбной мелочи; происхождение этого условно «северного» по распространению слова неясно. От него следует отличать третий этимон, характеризующийся «южным» распространением (Кавказ ↔ степная зона ↔ чувашы) и специфической связью с рыбами из семейства лососёвых. Этот ряд включает чув. *ārγaj* ‘форель’ явно кыпчакского происхождения, ср. не только контактное тат. *ārγaj* ‘вид рыбы’ (Эхмэтьянов 2015, II: 505), но и ног. *irγaj* ‘лосось’, кумык. *irγaj* (в современных словарях даются значения ‘бычок’ и ‘осётр’, но в этнографической литературе опять же фиксируется семантика ‘лосось’); о распространении данного слова в осетинском и других языках Кавказа см. Абаев 1958: 176. По мнению А. В. Дыбо, этот ихтионим должен восходить к узкотюркскому глаголу *irγa- ~ irγa-* ‘трястись, двигаться, (!) прыгать’ (VEWT 166), что объясняется привычкой форели и других лососёвых рыб выпрыгивать из воды. Наконец, часто смешиваемое с уже рассмотренными основами тат. *arγan* ‘лосось’ выводится в Эхмэтьянов 2015, I: 102 из монгольского источника (ср. монг. **ariγa* ‘коренной зуб ~ клык’ > ср.-монг. *ara’a* и т.п.). Это достаточно правдоподобная этимология с точки зрения мотивации наименования («зубастость» характерна для лососёвых), но по формальным основаниям она не проходит (едва ли можно ожидать отражение выпадающего монг. *-γ- в татарском). Этимология татарского слова нуждается в дальнейших разысканиях, но в общем здесь нельзя исключать рефлексации формы типа ПТ **aḷγ-ап*, производной от **aḷγ* ‘клык’, с закономерным развитием ПТ **ḷ* / *_C* > УТ **r* по правилу Хелимского.

- Удм. *bam*, (диал.: красноуфимские говоры) *ban* (Насибуллин 1978: 107), коми *ban* 'лицо; щёки' ← др.-чув. **bāŋ* < ПТ **beŋ*. Чувашия этиология впервые предложена в Räsänen 1935: 103. Прочие детали см. выше (критерий xii в секции 2).
- Удм. *bīd-t-* (CAUS) 'завершить, закончить', *bīd-e* 'каждый' (послелог), *bīd-es* 'целый; целиком' (> *bīd-es-m-* 'завершиться, закончиться'), *-bīt*: *gužem-bīt* 'всё лето', коми *bīd* 'каждый, всякий', *bīd-en* 'весь; всё', *bīd-es*, (к.-языв.) *bēd-es* 'тж.' ← др.-чув. **bǖt-* (чув. *pə̄t-* ~ *pət-* 'завершиться, закончиться'), ср. производное **bǖt-əm* (чув. *pə̄d-d-əm* 'весь, целый') < ПТ **bǖt-*, **bǖt-ün*, откуда и тат. *bät-* 'завершиться, закончиться', *böt-ön* 'весь, целый'. Удмуртские и коми формы считаются чувашскими по происхождению уже в Wichmann 1903: 45. Не выглядят обоснованными сомнения в этом, высказанные в позднейшей литературе (Uotila 1938: 66; Rédei & Róna-Tas 1983: 35). Чувашия глагол со значением 'закончиться' был заимствован в пермские (сохранился — с залоговым наращением — только в удмуртском), и уже на пермской почве, но по чувашской номинационной модели от него были произведены слова с исходной семантикой типа 'весь, целый'. Скорее татарский, а не чувашский является источником мар. **pītā-* 'завершиться, закончиться', **pītān* 'весь, целый'.
- Удм. *śimol'o*, (бес.) *śimāl'ā* 'копна', коми *śimal'i*, (диал.) *śimal'ej* 'суслон' ← др.-чув. **śömlä* (чув. *śā'mäl* 'копна из снопов') < ПТ **śömlä*, откуда и тат. *śümäl-ä* 'копна'. Чувашия заимствование в пермских принимается, хотя и под вопросом, в КЭСК: 313. В бес. *śimāl'ā* отражается, по-видимому, чистая чувашская основа **śömlä* (с редукцией гласного второго слога), в удмуртской и коми формах — та же чувашская основа с различными диминутивными показателями (**śömlä-ä*, **śömlä-ij*, **śömlä-āj*).
- Коми *gar* 'туго сученный, перекрученный (о нитках, пряже)', 'хорошо вращающийся (о веретене)', 'проворный, расторопный, подвижный (о человеке)' ← др.-чув. **kärä* (чув. *karä*, *kar* 'крутой, натянутый — о нитке, верёвке; отчётливый, резкий — о контуре; прямо, разборчиво'), девербатив от **kär-* (чув. *kar-* 'натягивать') < ПТ **ger-*. В татарском находим только глагольную основу в дореволюционном источнике: <кär> 'натянуть, растянуть, распясть, распялить' (казанско-татарский и барабинский сибирско-татарский по Радлов 1899: 1084). В Wichmann 1924: 188–189 коми слово сравнивается с мар. **kär* ~ **kar* 'туго скрученный (о нитке, верёвке)', а далее — неверно — с прибалтийско-финскими и саамскими формами. В действительности марийское слово, как и коми, следует считать надёжным заимствованием из чувашского.
- Удм. (диал.) *karta* 'хлев, огороженное место', коми *karta* 'хлев', (к.-перм.) *karta* 'хлев, двор' ← др.-чув. *kärT-ä* (чув. *karda* 'изгородь; хлев; круг'). Слово попало в болгарскую ветвь из кавказских языков — скорее всего, из осетинского: булг. **kert-e* (DIM) ← ? осет. *kært* 'двор; усадьба'. Из позднебулгарского/древнечувашского источника заимствованы поволжско-кыпчакские формы (тат. *kirtä* 'изгородь; загон для скота', башк. *kärtä* 'изгородь'). Чувашия происхождение имеют также мордовские формы типа эрз. *kardo*, мокш. *karda* 'хлев', рус. (диал.) *kārda*, *кардä* 'изгородь для скота, загон без крыши и т. п.', луг.-мар. *karða* ~ *karta*, для которого восстанавливается исходное значение типа 'круг, шар' на основании документации в сложениях *karða=βoŋgö* 'строчок', *šem=γarta=βoŋgö* 'сморчок', *karta paŋga* 'игра в рюхи' (с обледенелой чуркой в центре круга, букв. '[игра в]круг и фигуру'). Коми слово значится как чувашизм уже в Wichmann 1903: 69–70; известная из фольклорных источников диалектная удмуртская (северноудмуртская) форма впервые добавлена к общеповолжскому сравнению в Кельмаков 2010: 61–67.

- Удм., коми *kiś* ‘бёрдо’ ← др.-чув. **xiś* (чув. *xəś* ‘меч; бёрдо’) < ПТ **qilić*, откуда и тат. *qälâc* ‘тж.’. Пермское слово квалифицировано как чувашское по происхождению уже в Wichmann 1903: 45. Из чувашского также мар. **(x)is* ‘бёрдо’.
- Удм. *kip* ‘государство’, (уст.) ‘правитель; власть’, др.-перм. *kan* ‘царь’, коми (XVIII в.) *kan* в составе *kan kerka* ‘таможня’ (*kerka* ‘дом’), *kan kar* ‘Москва’ (*kar* ‘город’) ← др.-чув. **xân* (чув. *xon* ‘хан’) < ПТ **qan*. Ср. тат. *xan* ‘хан’, которое ввиду начального *x-* нельзя напрямую возводить к пратюркской форме; согласно Дыбо 2007: 119–120, подобные формы в узкотюркской ветви являются обратными заимствованиями из персидского, монгольского или русского источника. Чувашская этимология принимается для пермского слова уже в Wichmann 1903: 80–82. Чув. → мар. **(x)on* ‘начальник, вождь, хан’.
- Удм. *kižo*, (диал.) *kižo* ‘хозяин; начальник; господин’, (диал.) ‘купец’, (в сложениях) ‘дух, божество’, (бес.) *kižo* ‘глава, начальник; дух-покровитель’, коми *kiž* ‘леший, чёрт’, (диал.) *kiže* ‘леший’ ← др.-чув. **xoža* (чув. *xoža* ‘хозяин; купец; дух-покровитель’) ← кл.-перс. *xwāja* ‘хозяин, господин’. Из того же источника (не исключено позднебулгарское/древнечувашское посредство) тат. *xiza* ‘хозяин’, диал. ‘господин; дух-покровитель’, явно из чувашского — мар. **(x)ôža* ‘хозяин’ и рус. *хозяин*. Чувашская этимология принимается для пермского слова уже в Wichmann 1903: 86; некоторые формальные детали в общем адекватно объяснены в Rédei & Róna-Tas 1983: 11. К представленной в коми полисемии ‘хозяин’ ~ ‘леший, чёрт’ ср. тат. *ijä* ‘хозяин’ ~ ‘дух местности, гений места’, а в особенности — рус. *хозяин* в диалектных значениях типа ‘дух-хозяин места’ и даже конкретно ‘леший’ (СРНГ 51: 137–138), ‘чёрт’ (Там же: 139).
- Удм. *miĵ(i)r-es* ‘наклонный; сутулый’, *miĵir-t-* ‘наклонить; согнуть’, (бес.) *mâkâr=mâkâr* ‘с трудом (о переноске чего-л. на спине)’, *mâkâr-t-* ‘наклонять’, коми (диал.) *miĵir* ‘горбатость; сутулость’, *miĵir-a* ‘горбатый; сутулый’, *miĵir-t-* ‘наклонить; согнуть’ ← др.-чув. **mük-är* (чув. *mâ°gâ°r* ‘бугор, холм на поле, возвышенность, выступ, шишка; выпяченный, неровный, бугорком’), **mük-är-t-* (чув. *mâ°gâ°rt-* ‘выпячивать, выгибать; горбить, сутулить’). Из чувашского также мар. **mvgâr* ‘горб’, **mvgârtâ* ‘выпячиваться, выпирать’. Подобранные в Lakó 1949: 137–140 параллели для пермского и марийского слова в прибалтийско-финских языках неидеальны фонетически и семантически, при этом не учитывается совпадающее по форме и значению чувашское слово. Между тем производящая основа, отражаемая в чув. *mâ°gâ°r*, может быть признана регулярным соответствием УТ **mük* ‘стиб, наклон’ (> крх.-уйг. *mük* ‘поклон в пояс’, алт. диал. *mök-öj-* ‘нагибать’ и т. д.) при условии реконструкции ПТ **büñk* — по-видимому, экспрессивного варианта **bük* ‘тж.’ (см. об этом семействе слов ЭСТЯ 2: 290).
- Удм. *pus* ‘знак, метка; клеймо; жребий’, коми *pas* ‘знак, метка; клеймо, тамга; бирка’ ← др.-чув. **pâSâ* (чув. *pozâ* ‘подпись’) < **pâs-* (чув. *pos-* ‘давить, вдавливать; прикладывать руку, подписываться’) < ПТ **bas-* (или, скорее, **pas-*; см. секцию 3.2). Формально чувашское слово может быть осмыслено как продолжение пратюркского отглагольного имени **pas-uγ*. Насколько известно, этимология предлагается для пермского слова впервые; альтернативных этимологий у него нет (см. КЭСК: 217). Ср. очевидную полукальку: удм. *ki-pus* ‘подпись’, коми *ki-pas* ‘подпись; тамга’ (*ki* ‘рука’) ⇐ чув. *al poss-i* (POSS.3) ‘подпись’ (*alâ, al* ‘рука’). Не может быть связано с этим гнездом чув. *pûs* ‘копейка’, где этимологически отличный вокализм удостоверяется верховыми формами с узким гласным. Последнее слово скорее нужно возводить к кл.-перс. *pōst* ‘кожа’, (!) ‘шкура, шкурка’, как предложено в Федотов 1996, 2: 450.

- Удм. *śam* ‘характер, нрав; обычай, привычка’, *śam-en* ‘подобно, в соответствии с чем-л.’, коми *śam* ‘характер, нрав, поведение; умение, толк’, *śam-en* ‘подобно чему-л.’, (к.-перм.) *śam* ‘умение, смекалка’, (к.-язьв.) *śam* ‘сила’ ← др.-чув. **śām* (чув. *śām* ‘строй, лад, порядок, способ’, *śām-en* (INSTR) ‘в соответствии с чем-л., согласно чему-л.’) < ПТ **jeŋ ~ *jaŋ*. В Wichmann 1903: 151–152 была принята версия Б. Мункачи (Munkacsi 1883: 447) о пермском происхождении чувашского слова. В. В. Напольских обоснованно предложил изменить направление заимствования на обратное и нашёл для чув. *śām* параллель в виде УТ **jaŋ* ‘способ и т. п.’ (Напольских 2018: 499–501). С этим можно согласиться; добавлю только, что чув. *śām* имеет также вариант *śam*, за которым закрепилось значение ‘лекарство’ (развитие семантики типа ‘*средство’), и обе эти формы указывают на старую переднерядную основу. В таком случае чув. < булг. **zeŋ ~* УТ **jaŋ*. Из чувашского заимствовано также мар. **śem* ‘мотив, напев; толк; согласие, порядок и т. п.’.
- Удм. *tuno* ‘гадалка, знахарка; чародей’, коми *tun* ‘пророк, волшебник, колдун’ (ср. производный глагол удм. *tun-a(l)-*, коми *tun-av-* ‘гадать, ворожить’) ← др.-чув. **tŋnā* (чув. *tjñā* ‘свидетель’) < ПТ **tānu-q* ‘тж.’ < **tānu-* ‘узнавать’. Чува́шская этимология предлагается для пермского слова впервые. В старописьменных чувашских памятниках основа *tjñā* употреблялась при обозначении библейских волхвов (Савельев 2021: 86), что практически совпадает с семантикой *tun(o)* в пермских языках. Между тем удмуртская и коми формы включены во вхождение ПУ **tuna-* ‘sich gewöhnen, lernen’ в UEW: 537, хотя и с двумя вопросами, поскольку сравнение считается ненадёжным с семантической точки зрения. В общем как раз семантика пермских форм не кажется серьёзным препятствием для включения их в уральскую этимологию, однако вокализм — нерегулярен: ожидаемым рефлексом ПУ **u* является удм., коми *ĩ* (Zhivlov 2023: 137). Заметим, кроме того, что при явной первичности глагольной семантики в уральских параллелях чистая основа в пермских является именной. На фоне безупречной чувашской этимологии уральская этимология пермского слова должна быть отвергнута. Из чувашского же (с отражением семантики типа ‘*свидетельство’) заимствовано горн.-мар. *tun* ‘признак’ (луг.-мар., горн.-мар. *u* — регулярная субституция гласного, предкового по отношению к современному чув. *ĩ*, см. ниже секцию 3.2).
- Удм. *udjś*, коми *adas* ‘постать (полоса земли, которую захватывают жнецы)’, коми (диал.) *adas* ‘полоса, ряд’ ← др.-чув. **āT-as* (чув. диал. *odas* ‘шаг’) < **āt-* (чув. *ot-* ‘шагать’) < ПТ **āt-*. Чува́шская этимология принята для пермского слова уже в Wichmann 1903: 110–111. В Rédei & Róna-Tas 1983: 4 со ссылкой на М. Я. Сироткина приводится чув. <утас> ‘step, land measure: 1/24 desjatina’. По-видимому, здесь имеется в виду (ЧРС) под редакцией М. Я. Сироткина, где находим вхождения <утам> ‘1. шаг; 2. (уст.) мера земли, равная 1/24 десятины; 3. (уст.) циркуль’ и <утас> = <утам> 1. Таким образом, <утас> документировано только в значении ‘шаг’. Однако, учитывая полисемию ‘шаг’ ~ ‘мера земли’, реально зафиксированную для <утам>, правдоподобно предположение о том, что и <утас> в прошлом могло употребляться как название меры земли. Таким образом, версия о чувашском происхождении пермского названия постати выглядит вполне убедительной.
- Коми *vid-* ‘ругать, бранить’ ← др.-чув. **wit-*, откуда **wiT-en-* (REFL) > чув. *vidən-* ‘просить, умолять’ (→ мар. **βitnə-* ‘доносить, докладывать’) и **wit-lä-* (INTENS) → мар. **βitlā-* ‘жаловаться, выражать неудовольствие’. Значение последней марийской формы почти идентично значению коми глагола, т. е. на древнечува́шский уровень должна выводиться семантика типа ‘*говорить просительно, жалобно,

с неудовольствием'. Чувашский глагол, по-видимому, генетически связан с УТ *öt- 'петь (о птицах); говорить'. Данная этимология коми глагола предлагается впервые; альтернативных этимологий у него фактически нет: в КЭСК: 56 предлагается фантастическое сопоставление с горн.-мар. *andaktarâ* 'беспокоить, докучать' (?) и дальнейшее возведение к ошибочному тюркскому источнику.

- Удм. *zïr-a(l)*- 'мазать; тереть', коми *zïr-av*- 'тереть', *zïr-t*- 'тереть; грести; скрести' ← др.-чув. **sür*- (чув. *sə°r*- 'мазать; тереть') < ПТ **sür*- 'тж.'. Ср. также заимствованное результативное имя: удм., коми *zïrim* 'сопли' ← др.-чув. **sür-äm* (в современном языке не документировано, но словообразовательная модель вполне продуктивная — т. е. это '*то, что вытирают' или '*то, что мажется'). Чув. → мар. **syrä*- 'мазать; тереть', **syrem* 'насморк'. Формы всех трёх языковых групп были впервые сопоставлены, по-видимому, в Räsänen 1920: 216, но вопрос об отношениях между ними решён не был. В КЭСК: 108 сделаны верные выводы о происхождении пермского и марийского глаголов, при этом не отмечена, как кажется, очевидная связь между глагольными формами с семантикой 'тереть; мазать' и именными со значением 'сопли'.
- Коми *zïr*- 'гнать, изгонять' ← др.-чув. **sür*- < ПТ **sür*- 'id.'. Насколько известно, этимология предлагается впервые; альтернативных этимологий у коми слова фактически нет (в КЭСК: 108 предлагается очевидно ошибочная марийская параллель). Наглядна омонимичность основ в коми и квазиомонимичность в пратюркском: коми *zïr-av*-, *zïr-t*- 'тереть и т. д.' | *zïr*- 'гнать' при ПТ **sür*- 'тереть; мазать' | **sür*- 'гнать'. В чувашском основа сохранилась в составе производного имени *sə°r-äm*, *sə°r-än* 'обряд изгнания нечисти', уже в более позднюю эпоху заимствованного в удмуртский (диал. *surem šukkon* 'тж.').

3.2. К характеристике идиома — донора «ядерного» слоя болгаризмов в пермских языках

На основании представленного корпуса — и с учётом общих представлений о хронологии звуковых переходов в болгарской ветви — можно сделать выводы о фонетике идиома-донора, идентифицируемого здесь как «древнечувашский». Это позволит определить относительное положение данного идиома на шкале, начальной точкой которой является пратюркская фонетическая система, а конечной — современная чувашская.

Вокализм

- ПТ **e*, **ē* (далее обобщённо **E*) > др.-чув. **ä* (чув. *a*), как в **äkkä* 'тётя', **äŋ* 'ширина материи', **äŋ* 'челюсть', **bäŋ* 'щёки', **kärä* 'натянутый', **šäm* 'лад', ср. также старое заимствование **kärT-ä* 'изгородь'.

В работах Rédei & Róna-Tas 1983: 32, Róna-Tas 1988: 763 допускается, что в подобных случаях удм., коми *a* был лобовой субституцией чув. *a* современного типа, но такую возможность следует отвергнуть. Судя по материалам чувашских заимствований в марийском языке, ещё в XIV–XV вв., которыми датируются соответствующие контакты, в чувашском был представлен передний **ä* (→ мар. **ä*). Контакты чувашей с пермянами частично предшествовали чувашско-марийскому взаимодействию, а частично были ему синхронны, так что постулирование ПТ **E* > **a* в идиоме-доноре анахронично. Предпочитаю считать, что др.-чув. **ä* заимствовался в пермский идиом-реципиент как **ä*, после чего на пермской почве **ä* > **a* в соответствии с рас-

пространённой в Волго-Камском регионе тенденцией (помимо чувашского, тот же переход находим в лугово-восточном марийском), хотя необязательно это развитие происходило в разных языковых группах одновременно¹².

- ПТ $*a, *ā >$ др.-чув. $*ā$ (чув. верх. o , низ. u), как в $*ār$ ‘малый’, $*xān$ ‘хан’, $*rāSā$ ‘подпись’, $*āT-as$ ‘шаг; мера земли’.

Реконструкция $*ā$ в этом месте древнечувашской системы несколько условна: строго говоря, остается открытым вопрос о том, следует ли здесь выписывать $*ā$ или $*a$, и та же дилемма касается субституирующей фонемы со стороны пермского идиома-реципиента. По крайней мере, с учётом наличия $*ā$ в обеих системах контрастирующий с ним гласный следует восстанавливать как выражено задне-, а не средне-рядный ([a] в нотации МФА), но в качестве дополнительного признака возможна и огубленная артикуляция ([ɒ]). Продолжениями соответствующих фонем в чувашском и удмуртском языках являются заднерядные огубленные гласные ($o \sim u$), однако в коми, носители которого достаточно рано покинули зону действия «волго-камских» фонетических изоглосс, имеем a (сохранение $*a$ или же делабиализация $*ā > a$, подобная развитию $*ɔ > a$ в горномарийском?). Не может служить аргументом против реконструкции $*ā$ типологическая редкость фонологических систем, не имеющих a : для Волго-Камского региона такие системы как раз достаточно характерны. Ср. синхронное противопоставление в первом слоге $ā$ и a , отмечаемое в казанско-татарском языке; кроме того, для стадий чувашского и марийского языков, находившихся в контакте друг с другом в послемонгольское время, реконструируются системы с базовым противопоставлением $*ā$ и $*ɔ$, в то время как $*a$ может восстанавливаться лишь в качестве маргинальной фонемы. С другой стороны, с точки зрения пермской исторической фонетики реконструкция $*a$ вместо традиционного $*ā$ при соответствии удм. u | коми a может быть выигрышным ходом, поскольку в таком случае символы типа $*ā/*ɔ$ освобождаются для использования при интерпретации ряда других проблемных соответствий в области пермского огубленного вокализма¹³.

- ПТ $[*e, *ē]$ ¹⁴ > др.-чув. $*ē$ (чув. i).

Др.-чув. $*ē$ — напряжённый неогубленный переднерядный гласный верхне-среднего подъёма — реконструируется по косвенным данным и с учётом системных соображений. В малокарачкинском наречии чувашского языка его рефлексом является закрытый e , в прочих чувашских говорах — i . Даже синхронно чув. i в принципе может быть описан как напряжённый (составляет по этому признаку минимальную пару к переднему неогубленному редуцированному a). В послемонгольских чувашизмах марийского языка на месте этого гласного имеем напряжённый $*ē$ либо расслабленный $*e$; условия распределения этих субституций пока не вполне ясны. В послемонгольских чувашизмах удмуртского языка в качестве отражения данного гласного находим, как правило, e . В древнечувашской системе передний $*ē$ контрастировал с

¹² Ср. также набор оснований для реконструкции предкового $*ā$ в случае соответствия удм. a | коми a , предложенный недавно Э. Джейкобом (Jakob 2022).

¹³ Детальное обсуждение проблем реконструкции прапермского вокализма выходит за рамки настоящей работы; из недавних попыток целостного пересмотра классической схемы Лыткин 1964 см., в частности, Zhivlov 2014: 122–124; 2023: 135–139; Понарядов 2014; Metsärinta 2020: 96–104.

¹⁴ Здесь и далее в квадратные скобки заключаются предковые фонемы, рефлекс которых в древнечувашском теоретически — исходя из системных соображений и общей хронологии чувашской исторической фонетики — восстанавливаем, но фактически в основном корпусе панпермских булгаризмов не отражаются.

задним * $\hat{s}$, о котором см. ниже. Что касается подъёма рассматриваемого гласного, не должен вводить в заблуждение трудный случай удм. *śil*-, коми *śiv* ‘ветер’, в котором отражается рефлекс ПТ **jel* (см. детали этимологии в следующей части исследования): здесь явно наблюдаем особую субституцию после палатального согласного.

- ПТ **a*[, **ā*] (далее обобщённо **A*) > др.-чув. * $\hat{s}$ (чув. *i*), как в **tŕnā* ‘свидетель; волхв’. Реконструкция др.-чув. * $\hat{s}$ — напряжённого неогубленного заднерядного гласного верхне-среднего подъёма, — оказывается неизбежной с учётом необходимости объяснить чувашский рефлекс и целый ряд нетривиальных субституций ПТ **A* в языках Волго-Камского региона. В чувашском базовым отражением **A* является заднерядный неогубленный *i*. Как и передний *i*, этот гласный даже синхронно может быть описан как напряжённый (составляет по этому признаку минимальную пару к заднему неогубленному редуцированному *ä*). Реконструируемый * $\hat{s}$ сущностно отличается от *i* только подъёмом; в таком случае развитие * $\hat{s}$ > чув. *i* симметрично развитию напряжённого * $\hat{e}$ верхне-среднего подъёма в чув. *i*. В послемонгольских чувашизмах марийского языка на месте чув. *i* находим дополнительно распределённые субституции: мар. * $\hat{e}$ в палатализирующих контекстах (после **ś*-, **j*-, а также в анлауте), в противном случае мар. **ü*. При реконструкции * $\hat{s}$ в языке-источнике оба этих отражения получают правдоподобное объяснение: в случае * $\hat{e}$ имело место простое упреждение артикуляции, а в непалатализирующих контекстах * $\hat{s}$ субституировался при помощи единственного наличествовавшего в марийском заднерядного закрытого напряжённого гласного (см. реконструированную систему «общемарийского» вокализма в Savelyev 2022). В послемонгольских чувашизмах удмуртского языка в качестве отражения * $\hat{s}$ находим артикуляционно близкий **e* (*e* ~ *e*^o ~ *ö* ~ *o* по говорам, см. об этом ряде соответствий Кельмаков 1998: 55–56). Наконец, реконструкция др.-чув. * $\hat{s}$ позволяет удачно объяснить вокализм общепермской основы *tun(o)* ‘пророк, чародей’: поскольку сущностно $\mathfrak{x}$ отличается от *o* только неогубленностью, то можно предположить, что * $\hat{s}$ ранних булгаризмов адаптировался пермским идиомом-реципиентом как **o*, после чего **o* закономерно перешёл в **u* (см. секцию 3.3).

- ПТ [**i*, **ī*] > др.-чув. **i* (чув. *ä*).

Качество древнечувашского гласного восстановлено исходя из системных соображений: исторически узкие гласные (ср. развитие ПТ **i*, **ii*, **ī*) в период контакта явно ещё сохраняли исходную артикуляцию, а редукции (которая отличает современную чувашскую вокалическую систему) подверглись значительно позже.

- ПТ [**i*], [**ī*] > др.-чув. **i* (чув. *ä*), как в **xiś* ‘бёрдо’.

- ПТ [**ö*], [**ō*] > др.-чув. **ö* (чув. *ü* ~ *ä*^o в зависимости от фонетического контекста), как в **śötmälä* ‘копна’.

Ср. также восстанавливаемое по пермскому материалу особое развитие в анлауте: ПТ **ö*- > др.-чув. **wê*-/**wi*- (чув. *vi*-), как в **wit*- ‘жаловаться’. По системным соображениям базовым древнечувашским рефлексом следует считать **wê*-, но в особом консонантном окружении (в т.ч. перед -*t*-, как в этом случае) выступал вариант **wi*-. Похожее расщепление восстанавливается для идиома-источника послемонгольских заимствований чувашского типа в марийский язык (мар. * $\beta\hat{e}$ - ~ * $\beta\hat{i}$ -, распределённые, по-видимому, аналогичным образом: вариант с * $\hat{i}$ - перед маркированными переднеязычными согласными, иначе — * $\hat{e}$ -).

- ПТ [**o*, **ō*] > др.-чув. **o* (чув. верх. *o*, низ. *u*) — в болгаризмах исконного происхождения не отмечено, но ср. раннее заимствование **xoža* ‘хозяин; купец’.
- ПТ [**i̯*, **ī̯*] > др.-чув. **i̯* (чув. *ə* ~ *ê* в зависимости от консонантного окружения), как в др.-чув. **bü̯t* ‘кончатся’, **mükər* ‘бутор’, **sür* ‘тереть’, **sür* ‘гнать’.
- ПТ [**u*, **ū*] > др.-чув. **u* (чув. *ê*).

Качество древнечувашихского гласного восстановлено исходя из системных соображений; см. комментарий выше к ПТ [**i*, **ī*].

Консонантизм

Ввиду тривиальности большинства консонантных развитий ниже обсуждаются только те немногие из них, которые сущностно важны для размещения идиома-донора на шкале относительной хронологии болгарской ветви, а также для обоснования менее очевидных на общем фоне этимологий из представленного корпуса.

- ПТ **b-* > др.-чув. **b-* (чув. *p-*), как в **bän* ‘щёки’, **bü̯t* ‘кончатся’;
ПТ **p-* > ? др.-чув. **p-* (чув. *p-*), как в **pāSê* ‘подпись’.

В «ядерном» слое болгаризмов пермских языков пратюркский шумный губной дважды отражается как древнечувашихский звонкий, один раз — как глухой. При этом в сепаратных чувашизмах удмуртского языка (которые естественно трактовать как заимствования более поздние) отражается только **b-*, а в современном чувашском — только *p-*. Ключом к объяснению этих рефлексов может быть основанная на болгаризмах венгерского языка гипотеза (Дыбо 2007: 26–27), согласно которой на ранних этапах истории болгарской ветви в ней сохранялось противопоставление ПТ **b-* и **p-* (отражаются в венгерском как *b-* и *p-*, соответственно). Внешней точкой контроля служат, согласно А. В. Дыбо, алтайские параллели, в которых ПТ **b-* соответствует **m-* (или **b-*), а ПТ **p-* соответствует **p-*. Можно предположить, что эта ситуация сохранялась и в древнечувашихских говорах в период контакта с пермскими: по крайней мере, алтайские параллели к др.-чув. **bän*, **bü̯t*, **pāSê* демонстрируют как раз **m-* в первых двух случаях и **p-* в третьем (EDAL: 913–914, 957–958, 1079–1080). В таком случае реконструкция пратюркского глагола со значением ‘давить’, откуда произведено др.-чув. **pāSê* ‘подпись’, должна быть скорректирована: **pas-* вместо традиционного **bas-*. В послемонгольскую эпоху это противопоставление устранялось различными способами в двух основных «среднечувашихских» диалектах. В восточном диалекте, ставшем источником сепаратных чувашизмов в удмуртском языке, др.-чув. **b-*, **p-* > **b-*, т. е. произошло совпадение, аналогичное развитию во всех прочих тюркских языках. Поэтому в удмуртском находим, среди множества других случаев с отражением удм. *b-* ← ср.-чув. **b-*, продолжение ПТ **pas-* в виде *busj* ‘поле’ (← ср.-чув. **bōSê*; см. прочие детали этимологии под критерием iv в секции 2). В предке современного чувашского языка — западном среднечувашихском диалекте, развивавшемся на марийском субстрате, — **b-*, **p-* совпали в **p-*. Такое развитие можно связывать с тем, что в субстратном марийском диалекте, как и в современном марийском языке, взрывной губной реализовывался в анлауте исключительно как глухой (**p-*), в то время как звонкий губной имел фрикативную артикуляцию (**β-*)¹⁵.

¹⁵ Слабым местом в предложенном объяснении начального *p-* в удм. *pus* | коми *pas* является скудость свидетельств о сохранении ПТ **p-* в болгарской ветви и необходимость опираться на алтайскую реконст-

- ПТ *j- > др.-чув. *ś- (чув. ś-), как в *śām ‘лад’;
ПТ *ć > др.-чув. *ć (чув. ś), как в *ćömälä ‘копна’, но ПТ *-llć[, -*tć] > др.-чув. *-ś (чув. -ś), как в *xiś ‘бёрдо’.

Согласно Róna-Tas 1988: 763, развитие ПТ *j- > чув. ś- проходило через стадии совпадения с звонкой (*ǰ) и глухой (*ć) аффрикатой. Предлагаемая здесь интерпретация материала болгаро-пермских контактов свидетельствует против такой трактовки: предковый *ć в нашем корпусе сохраняется, в то время как *j уже дал фрикативный рефлекс. Как было отмечено выше (см. критерий vi в секции 2), целесообразно предполагать переход *j- в ś- через стадию булг. *ǰ-, т. е. без промежуточной аффрикаты¹⁶. На фоне аффрикатного рефлекса в *ćömälä не должен смущать фрикативный в *xiś, поскольку в последнем случае отражается специфический консонантный кластер (ПТ *-llć > булг. *-lć > др.-чув. *-ś). Ср. похожую ситуацию в ранних болгаризмах марийского языка, где историческая аффриката ещё сохраняет свою артикуляцию (мар. *ăǰər ‘щипцы, клещи’ ← в.-булг. *ăǰ-ər < *ăć- ‘сдавливать’ = УТ *ēć- ‘подчинять’), но есть и пример с отражением аналогичного *-l(l)ć сочетания *-tć, которое отражается как фрикативный (мар. *βujrâś ‘князь’ ← в.-булг. *bijâr-âś, произведённое от ПТ *bijur- ‘приказывать’ при помощи аффикса *-âś < ПТ *-uťć).

- ПТ *η > др.-чув. *η/*m (чув. n/m), как в *ăη ‘ширина материи’, *ăη ‘челюсть’ / *śām ‘лад’.
- ПТ *-ɣ, *-q в неодносложных основах > др.-чув. *-0 (чув. -0), как в *pâSâ ‘подпись’, *tânâ ‘свидетель; волхв’.

В целом можно отметить, что фонетическая система идиома-донора занимает промежуточное положение между реконструируемой раннебулгарской и «среднечувашской» системой послемонгольского времени (восстанавливается, прежде всего, на материале заимствований в марийский и удмуртский). Она носит несколько более инновативный характер по сравнению с волжско-булгарской фонетикой по данным заимствований в восточнославянский (ср. развитие *j- > *ǰ- > *ś-, а также полное исчезновение конечных гуттуральных в многосложных основах), причём эти инновации отличают и более поздние формы чувашского языка, так что закрепление за данным языковым состоянием термина «древнечувашский» представляется вполне целесообразным.

рукцию при восстановлении качества данного согласного. Ср. также случай венг. *baszik* ‘futuere’, которое отражает рефлекс той же пратюркской основы с начальным *b-. Если это болгаризм, см. WOT I: 104–106, то он вступает в противоречие с принятым сценарием; впрочем, кроме достаточно ранней фиксации, особых оснований считать этот тюркизм в венгерском специфически болгарским по происхождению как будто нет. Между тем альтернативное объяснение фонетики пермского слова – утверждение инновативного характера *p- в болгарском идиоме-источнике – выглядит, на мой взгляд, ещё более проблематично. Для этого пришлось бы постулировать *ad hoc* позиционное оглушение *b- / _Vs > *p- конкретно для источника ранних болгаризмов в пермских. При этом, если исходить из неотражения первичного *p- и возникновения вторичного *p- в волжско-булгарском ареале, то непонятен триггер появления этой фонемы в инвентаре: как кажется, нет никаких оснований полагать, что она могла войти в обиход до того, как в результате поглощения марийского субстрата и усвоения ряда правил марийской фонотактики в середине 2-го тысячелетия сформировался чувашский язык более или менее современного облика.

¹⁶ В таком случае аффрикатные отражения в болгаризмах южнославянских языков (ср. случаи типа *чиготъ* ‘мечник’ при ПТ *ǰigöt ‘юноша, храбрец’) должны считаться проявлением *ć-образного рефлекса ПТ *j- конкретно в дунайско-булгарских диалектах, а не общепермского развития.

3.3. К характеристике идиома — реципиента «ядерного» слоя болгаризмов в пермских языках

Ниже рассматриваются отдельные фрагменты фонетической системы идиома-реципиента. Такой анализ должен помочь в решении вопроса о том, какая именно языковая стадия была участником контакта с пермской стороны.

(i) Прежде всего, обращает на себя внимание отражение в материале «ядерного» слоя болгаризмов соответствия удм. *u* | коми *a*, которое наблюдается и в исконной пермской лексике. Традиционно реконструируемый в этих случаях ППерм **ā* является рефлексом ПУ **e* перед выпадающим зубным согласным, ср.: ПУ **weti* > ППерм **vā* > удм. *vu* | коми *va* 'вода', ПУ **meti* > ППерм **mā* > удм. *tu* | коми *ta* 'мёд' и т. п. (здесь и далее детали развития прапермской вокалической системы из прауральской даю с опорой на Zhivlov 2023: 136–137). В заимствованных основах этот же гласный выступает как субституция др.-чув. **ā*, ср.: удм. *kun* | коми *kan* (др.-чув. **xān* 'хан'), удм. *pus* | коми *pas* (др.-чув. **pāSā* 'подпись'), удм. *idīs* | коми *adas* (др.-чув. **āT-as* 'шаг; мера земли'). Тот же предковый гласный должен быть восстановлен в случае коми *ar* (др.-чув. **ār* 'малый'), хотя в удмуртском основа и не сохранилась. О некоторой условности выписывания **ā* и о возможности реконструировать здесь **a* см. выше секцию 3.2.

Ещё более важны следующие случаи, доказывающие, что уже после контакта с древнечуваши́м пермские основы подпадали под действие прапермских (!) фонетических развитий.

(ii) Соответствие удм. *i* | коми *i* (< ППерм **i*) появляется в формах, древнечуваши́е источники которых содержат узкий огубленный гласный **ii*, ср.: удм. *bīd-* | коми *bīd-* (др.-чув. **būt-* 'кончаться'), удм. *mīkīr-* | коми *mīkīr-* (др.-чув. **mūkar* 'бу́гор'), удм. *zīr-* | коми *zīr-* (др.-чув. **sūr-* 'тереть'). Предковый **i* должен быть восстановлен и в случае коми *zīr-* 'гнать' (др.-чув. **sūr-* 'тж.'), несмотря на отсутствие удмуртских данных. По системным причинам то же коми-удмуртское соответствие можно было бы ожидать как результат субституции др.-чув. **u*, хотя форм с этим гласным в идиоме-доноре в нашем корпусе нет. В исконной лексике ППерм **i* является регулярным рефлексом ПУ **ii*, **u*. Этот набор фактов непротиворечиво объясняется, если предположить, что (1) ко времени контакта ПУ **ii*, **u* совпали в прапермском промежуточном **u*; (2) др.-чув. **ii*, **u* адаптировались на пермской почве как **u*, после чего (3) в прапермском промежуточный **u* любого происхождения перешёл в **i*.

Вывод о сохранении промежуточного **u* у пермян в период контакта с булгарами подтверждается следующим — по-видимому, ранним — пермским заимствованием в чувашском: *pəˈrəʔʂ* 'орудие в роде пещни, но с более широким концом; заступ; лом' при удм. *pīrić* 'пешня, лом; пазник', коми *pīriž* 'пешня'. Направление заимствования несомненно, поскольку у чувашского слова нет тюркской этимологии, а пермское непротиворечиво выводится из ПУ **pura-* 'сверлить'. По историко-географическим соображениям ранние пермизмы в чувашском должны относиться к начальному периоду освоения булгарами Волго-Камского бассейна (скорее всего, VIII–IX вв.). При этом огубленный вокализм в чувашском несовместим с неогубленной огласовкой современных пермских форм. Он находит объяснение только при предположении о заимствовании из прапермской формы типа **pur-ic*, которая уже после того, как была заимствована в этом виде в чувашский, попала под действие перехода **u* > **i*.

(iii) Соответствие удм. *и* | коми *и* (< ППерм **и*) находим в формах, древнечувашиские источники которых содержат огубленный гласный среднего подъёма, ср.: удм. *kužo* | коми *kuž* (др.-чув. **hoža* ‘хозяин; купец’), удм. *śimol’o* | коми *śimal’i* (др.-чув. **śōmālā* ‘копна’). В исконной лексике ППерм **и* является регулярным рефлексом ПУ **o* (в **a*-основах). Можно полагать, что др.-чув. **o* был тривиально адаптирован на пермской почве как **o*, а за неимением на тот момент собственного **ö* в прапермском др.-чув. **ö* был субституирован аналогичным образом. Судя по случаю удм. *tuno* | коми *tun* (др.-чув. **tṣ-nā* ‘свидетель; волхв’), др.-чув. **ṣ* был ещё одним гласным, который адаптировался как **o* (значимое несовпадение здесь — только по параметру огубленности). Уже после заимствования этих древнечувашиских слов промежуточный ППерм **o* любого происхождения перешёл в **и*.

На сохранение промежуточного **o* в период контакта с булгарами указывает и следующий ранний пермизм в чувашском: *rogan* ‘чурбан, обрубок дерева; стул, табуретка’ ← промежуточное ППерм **rok-an*, deverбатив от **rok-* ‘сидеть’ (ср. в современной фонетике чистую основу удм., коми *rik-* ‘сидеть’ и производное удм. *rikon* ‘сидение; стул’). Исторический гласный среднего подъёма отражается и в тат., башк. *bükän* ‘чурбан; стул, табуретка’ (→ луг.-мар. *rüken*, горн.-мар. *röken* ‘стул, табуретка’). С учётом известного процесса «поволжского перебоя гласных» предковая по отношению к современной татаро-башкирской форма восстанавливается в виде **bökän*; это заимствование того же пермского отглагольного имени, по-видимому, через болгаро-чувашское посредство¹⁷.

(iv) Несколько раз в пермском анлауте находим звонкий согласный на месте глухого в древнечувашиском источнике, ср.: коми *gar* (др.-чув. **kärä* ‘натянутый’), удм. *zır-* | коми *zır-* (др.-чув. **sür-* ‘тереть’), коми *zır-* ‘гнать’ (др.-чув. **sür-* ‘тж.’). Это значит, что болгаро-пермский контакт имел место до хорошо известного прапермского развития — озвончения начальных шумных (или, может быть, до последнего из нескольких независимых внутрипермских развитий, поэтапно наводивших звонкость в анлауте). Хотя точные условия, в которых озвончился пермский анлаут, неясны (Zhivlov 2023: 134), конкретно наши примеры указывают на озвончение перед *r* в однословах.

Данный комплекс свидетельств с неизбежностью приводит к следующему выводу: идиомом-реципиентом в рамках той контактной ситуации, синхронным наследием которой является «ядерный» слой булгаризмов в пермских языках, был прапермский язык. Для случаев из группы (i), предполагающих простое соблюдение на материале заимствований характерных для исконной лексики соответствий, ещё можно было бы предполагать пост-прапермское происхождение: в рамках сепаратных контактов др.-чув. **ä* вполне мог бы адаптироваться как *a* в коми и заимствоваться как **ä* в удмуртский (откуда современный *и* в результате собственно удмуртского процесса). Однако этимологии из групп (ii–iv) однозначно показывают, что контакт должен был иметь место до начала дивергенции, поскольку фонетика идиома-реципиента реконструируется как ощутимо более архаичная в сравнении с фонетикой языкового состояния, бывшего последним общим предком коми и удмуртского.

Ввиду архаичности идиома-реципиента датировать «ядерный» слой булгарских заимствований в пермской ветви хотелось бы как можно более ранним периодом. С учётом экстралингвистических свидетельств о хронологии освоения булгарами Волго-

¹⁷ Промежуточная чувашская форма, ставшая источником поволжско-кыпчакского слова, может быть восстановлена в виде **rogan*. Не совсем тривиальный облик **bökän* в языке-реципиенте обусловлен адаптацией инородного слова к поволжско-кыпчакской фонотактике (замена нетипичного *p-* на обычный *b-* и переход основы в передний ряд ввиду наличия в ней велярного *k*, исторически сочетавшегося только с передними гласными).

Камского бассейна и о ранних болгаро-пермских связях (Белых 2009: 73–75; Напольских 2018: 71–76, 81–82; Vyazov et al. 2019: 427–430) речь должна идти о VIII–IX вв.¹⁸ Такая датировка уже предлагалась в литературе, см. Rédei & Róna-Tas 1983: 26, но примечательно, что на неё же указывает анализ набора этимологий, серьёзно отличающегося от рассмотренного К. Редее и А. Рона-Ташем. Для сравнения В. В. Напольских (личное сообщение), оперируя опять же несколько отличным от нашего набором интра- и экстралингвистических свидетельств, склонен сейчас относить начало болгаро-пермских контактов к концу IX века; ср. также сформулированное в Напольских 2018: 82 возражение против предпринятой А. Рона-Ташем попытки передатировать ранний слой болгаризмов в пермских X веком¹⁹.

Важным для тюркологии следствием указанной датировки является необходимость предполагать уже для столь раннего времени существование в Волго-Камском регионе говоров «древнечуваши́хского» типа (совокупности таких волжско-булгарских идиомов, которые претерпели ряд специфичных для чувашского языка инноваций). По-видимому, они существовали параллельно с волжско-булгарскими говорами несколько более архаичного облика, откуда шёл трансфер культурной лексики в северо-западном направлении — прежде всего, в древнерусский язык, а также, по всей вероятности, в марийский²⁰. Заметим, что если уже в этот период проявляются различия между волжско-булгарскими говорами «чуваши́хского» и «нечуваши́хского» типа, то под сомнением оказывается сама возможность того, что их дивергенция происходила в Волго-Камском регионе, а не в степной зоне, откуда с конца VII в. в несколько волн шло переселение болгар на север.

Выявление «ядерного» слоя болгаризмов в пермской ветви даёт опорную точку для интерпретации прочих пластов болгаро-пермских лексических схождений. Анализу поздних — сепаратных — чувашизмов в пермских языках, а также трудно интерпретируемых, на первый взгляд, случаев, в которых соотношение коми и удмуртских форм требует специального комментария, будет посвящена следующая — и заключительная — часть исследования.

¹⁸ При этом всё же нельзя исключать, что, по крайней мере, некоторые из тех форм болгарского происхождения, в которых не эксплицировано действие прапермских фонетических развитий, могли быть заимствованы несколько позже (условно в X–XII вв.); реципиентом в таких случаях мог быть не только поздний прапермский язык, но и — после начала его распада — общепермский диалектный континуум.

¹⁹ В работе Róna-Tas 1988: 761 высказывается мысль, что персидское заимствование, отражаемое в чув. *hoža* ‘хозяин; купец’, могло проникнуть к волжским булгарам только после 921–922 гг., когда в результате миссии Ибн Фадлана их страна стала частью мусульманского мира. Если «аргумент хозяина» верен, то и наша датировка VIII–IX вв. для «ядерного» слоя болгаризмов в пермских оказывается под ударом (поскольку др.-чув. **hoža* включается нами в этот слой). Однако реально для такой хронологической рамки нет оснований, так как торговые связи между волжскими булгарами и арабо-персидским Востоком существовали уже в конце VIII–IX вв. (см. хотя бы Ситди́ков, Хузин & Никитина 2022: 542). Таким образом, вполне можно допускать, что уже в этот ранний период — и, несомненно, именно в контексте торговых отношений — персидский термин стал источником болгарского слова для обозначения ‘хозяина, купца’.

²⁰ В связи с проблемой волжско-булгарских диалектов / близкородственных языков ещё требует адекватного исследования вопрос о том, как должны быть интерпретированы в терминах исторической фонетики показания арабографичных волжско-булгарских эпиграфов XIII–XIV вв. По крайней мере, не выглядит бесспорной традиционная точка зрения, согласно которой выписывание буквы *ج* *джим* на месте рефлекса ПТ **j-* однозначно указывает на «*з*-екающий» (или, с учётом наших поправок о неаффрикатной артикуляции, «*ж*-екающий») характер соответствующего болгарского диалекта. Нельзя исключать возможность того, что за отсутствием более подходящего эквивалента при помощи этой арабской буквы записывался звук, близкий к чувашскому альвеопалатальному фрикативному *ś* (= *с*); сущностное отличие от обычного круга неарабских звуков, обозначавшихся через *джим*, здесь только по параметру глухости/звонкости.

Сокращения

алт.	алтайский язык	перм.	пермская ветвь уральских языков
башк.	башкирский язык	ППерм	прапермский язык
бес.	бесермянское наречие удмуртского языка	ПТ	пратюркский язык
булг.	булгарская ветвь тюркских языков	ПУ	прауральский язык
в.-булг.	волжско-булгарские идиомы	рус.	русский язык
верх.	верховой диалект чувашского языка	сиб.-тат.	сибирско-татарское наречие
горн.-мар.	горномарийское наречие	ср.-монг.	среднемонгольский язык
диал.	диалектная форма	ср.-чув.	среднечувашский язык
др.-перм.	древнепермский язык	тат.	(казанско-)татарский язык
др.-чув.	древнечувашский язык	удм.	удмуртский язык
к.-перм.	коми-пермяцкое наречие	уст.	устаревшая форма
кл.-перс.	классический персидский язык	УТ	узкотюркская ветвь тюркских языков
крх.-уйг.	караханидско-уйгурский язык	чув.	чувашский язык
кумык.	кумыкский язык	эрз.	эрзянский язык
к.-язьв.	коми-язьвинское наречие	якут.	якутский язык
кыпч.	кыпчакская группа тюркских языков		
лут.-мар.	лугомарийское наречие	CAR	каритив (лишительный падеж)
мар.	марийская ветвь уральских языков	CAUS	каузатив (понудительный залог)
морд.	мордовская ветвь уральских языков	DIM	диминутив (уменьшительная форма)
мокш.	мокшанский язык	INSTR	инструментальный падеж
монг.	монгольская семья языков	INTENS	интенсивная форма
низ.	низовой диалект чувашского языка	POSS	форма принадлежности
ног.	ногайский язык	REFL	рефлексив (возвратная форма)
осет.	осетинский язык	3	3-е лицо

Литература

- Абаев, В. И. 1958. *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Том I. А–К'. Москва/Ленинград: Издательство Академии наук СССР.
- Ашмарин, Н. И. 1898. *Материалы для исследования чувашского языка*. Казань: Типо-литография Императорского университета.
- Әхмәтъянов, Р. Г. 2015. *Татар теленең этимологик сүзлеге. Ике томда: I том (А–Л); II том (М–Я)*. Казан: Мәгариф–Вакыт.
- Белых, С. К. 2009. *Проблема распада прапермской этноязыковой общности*. Ижевск: Удмуртский госуниверситет.
- Дыбо, А. В. 2007. *Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период*. Москва: Восточная литература.
- Дыбо, А. В. 2010. Вокализм раннетюркских заимствований в венгерском. В: Valentin Ju. Gusev, Anna Widmer, Annkatrin Klein (ред.). *Gedenkschrift für Eugen A. Helinski* (= Finnisch-Ugrische Mitteilungen, Bd. 32/33, Jahrgang 2008/2009): 83–132.
- Дыбо, А. В. 2011. Отражение булгарских палатализаций в булгаризмах венгерского языка. В: Кузнецов А. В. (ред.). *Чувашский язык и этнос в истории евразийской цивилизации. Материалы Международной тюркологической конференции: 10–21*. Чебоксары: ЧГИГН.
- Егоров, В. Г. 1930. *Введение в изучение чувашского языка*. Москва: Центр. изд-во народов СССР.
- Егоров, В. Г. 1964. *Этимологический словарь чувашского языка*. Чебоксары: Чувашское книжное издательство.
- Емельянов, А. И. 1924. Чуваши и пермские народности. В: *Пермский краеведческий сборник*: 32–34. Пермь: Кружок по изучению Северного края при Пермском Унриверситете.
- Золотницкий, Н. И. 1875. *Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен*. Казань: Типография Императорского университета.
- Идрисов, Р. И. 2013. *Тюркские заимствования разных периодов в бесермянском диалекте удмуртского языка*. Москва: МГУ им. М. В. Ломоносова.

- Кельмаков, В. К. 1998. *Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография*. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та.
- Кельмаков, В. К. 2004. К проблеме болгаризмов в удмуртском языке [I]. В: А. П. Сергеев и др. (ред.). *Диалекты и история тюркских языков во взаимодействии с другими языками*: 15–19. Чебоксары: ЧПУ.
- Кельмаков, В. К. 2010. К проблеме болгаризмов в удмуртском языке [II]. В: А. П. Хузангай (ред.). *Чуваши́х язык: вчера, сегодня, завтра*: 56–70. Чебоксары: ЧГИГН.
- Кельмаков, В. К. 2012. К вопросу о хронологической стратификации болгаризмов пермских языков в финно-угроведении. В: *Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН* 69: 89–94. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.
- КЭСК = Лыткин, В. И., Е. С. Гуляев. 1970. *Краткий этимологический словарь коми языка*. Москва: «Наука».
- Лыткин, В. И. 1959. О некоторых тюркских заимствованиях в коми языке. *Nyelvtudományi közlemények* 60: 109–112.
- Лыткин, В. И. 1964. *Исторический вокализм пермских языков*. Москва: «Наука».
- Лыткин, В. И. 1967. О древнетюркских элементах в лексике пермских языков. *Вопросы финно-угорского языкознания* IV: 131–142.
- Максимов, С. А. 2018. К проблеме возрождения гипотезы о тюркском субстрате в языке бесермян. В: А. М. Иванова, Э. В. Фомин (отв. ред.). *Языковые контакты народов Поволжья и Урала. Сборник статей XI Международного симпозиума*: 78–83. Чебоксары: Издательство Чувашского университета.
- Максимов, С. А. 2023. Бесермянско-тюркские взаимосвязи: на основе названий деталей традиционной одежды. *Полилингвальность и транскультурные практики* 20(2): 206–215.
- Мудрак, О. А. 1989. Специфические дробления консонантных рефлексов в чувашском языке. В: *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 1*: 216–222. Москва: ИВ АН СССР.
- Мудрак, О. А. 1993. *Исторические соответствия чувашских и тюркских гласных: Опыт реконструкции и интерпретации*. Москва: Институт востоковедения РАН.
- Напольских, В. В. 2018. *Очерки по этнической истории*. Казань: Институт археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан.
- Напольских, В. В. 2021. Удмуртская акашка ~ бесермянская акаяшка и позднесредневековая этническая история Нижнего Прикамья. *Этнография* 4(14): 37–54.
- Напольских, В. В. 2025. К этимологии русск. *безмён*. *Вопросы языкознания* 1(2025): 136–147.
- Насибуллин, Р. Ш. 1978. Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов. В: В. М. Вахрушев и др. (ред.). *О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: сборник статей и материалов*: 86–151. Ижевск: НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР.
- Насибуллин, Р. Ш. 1980. Рефлексы некоторых болгарских губных гласных в диалектах пермских языков. В: *Проблемы исторической лексикологии чувашского языка (Труды НИИ языка, литературы, истории и экономики при Сов. Мин. Чуваш. АССР 97)*: 61–65. Чебоксары: НИИ языка, литературы, истории и экономики при Сов. Мин. Чуваш. АССР.
- Насибуллин, Р. Ш. 2014. Болгаризмы и их отношение к вопросу о времени распада общепермской языковой общности. *Ежегодник финно-угорских исследований* 8(5): 77–91.
- Понарядов, В. В. 2014. *Развитие гласных в пермских языках*. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН.
- Поппе, Н. Н. 1927. *Чуваши́х и их соседи*. Чебоксары: Общество Изучения Местного Края.
- Радлов, В. В. 1899. *Опыт словаря тюркских наречий. Том второй*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- Савельев, А. В. 2021. Старочувашский памятник с различием датива и аккузатива. *Урало-алтайские исследования* 1(40): 77–100.
- СИГТЯ 2001 = Тенишев, Э. Р. (отв. ред.). 2001. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. 2-е издание, доп.* Москва: «Наука».
- СИГТЯ 2002 = Тенишев, Э. Р. (отв. ред.). 2002. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции*. Москва: «Наука».
- СИГТЯ 2006 = Тенишев, Э. Р., А. В. Дыбо (отв. ред.). 2006. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка*. Москва: «Наука».
- Ситди́ков, А. Г. (общ. ред.), Ф. Ш. Хузин, Т. Б. Никитина (отв. ред.). 2022. *Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 5. Средние века (VIII — начало XIII вв.). Волжская Болгария. Финно-угорский мир. Кочевники Восточной Европы*. Казань: Изд-во АН РТ.
- Смирнов, И. Н. 1890. *Вотяки: историко-этнографический очерк*. Казань: Типография Императорского университета.

- Смирнов, И. Н. 1891. *Пермяки: историко-этнографический очерк*. Казань: Типография Императорского университета.
- СРНГ 2 = Сороколетов, Ф. П., Ф. П. Филин (гл. ред.). 1966. *Словарь русских народных говоров*. Вып. 2: Ба — Блазниться. Москва/Ленинград: «Наука».
- СРНГ 51 = Мызников, С. А., О. Д. Кузнецова, Р. В. Гайдамашко (ред.). 2019. *Словарь русских народных говоров*. Вып. 51: Ход — Хоюшки. Санкт-Петербург: «Наука».
- Тараканов, И. В. 1980. О болгарских заимствованиях в удмуртском языке. В: *Проблемы исторической лексикологии чувашского языка* (Труды НИИ языка, литературы, истории и экономики при Сов. Мин. Чуваш. АССР 97): 127–136. Чебоксары: НИИ языка, литературы, истории и экономики при Сов. Мин. Чуваш. АССР.
- Тараканов, И. В. 1982. *Заимствованная лексика в удмуртском языке: удмуртско-тюркские языковые контакты*. Ижевск: Удмуртия.
- Тараканов, И. В. 1993. *Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи: Теория и словарь*. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та.
- Тумашева, Д. Г. 1992. *Словарь диалектов сибирских татар*. Казань: Издательство Казанского университета.
- Федотов, М. Р. 1968. *Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками*. Чебоксары: Чувашское книжное издательство.
- Федотов, М. Р. 1996. *Этимологический словарь чувашского языка*. Т. 1–2. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук.
- Федюнева, Г. В. 2013. Коми диалектная лексика в контексте болгарско-пермских языковых связей. *Финно-угорский мир* 1: 8–12.
- Федюнева, Г. В. 2014. К вопросу о болгарско-пермских взаимоотношениях и их интерпретации по данным лексики. В: С. А. Мызников (отв. ред.) и др., *Вопросы уралистики 2014. Научный Альманах*: 116–134. Санкт-Петербург: «Нестор-История».
- Федюнева, Г. В. 2025. К вопросу этимологизации русских диалектных ихтионимов с основой *ар-/арз-* ‘тольян’. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований* 3(49): 70–79.
- ЧРС = Сироткин, М. Я. (ред.). 1961. *Чувашско-русский словарь*. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
- ЭСТЯ 1 = Севортян, Э. В. 1974. *Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные*. Москва: «Наука».
- ЭСТЯ 2 = Севортян, Э. В. 1978. *Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б»*. Москва: «Наука».

References

- Abaev, V. I. 1958. *Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogo jazyka*. Tom I. A–K'. Moskva/Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Ashmarin, N. I. 1898. *Materialy dl'a issledovanija chuvashskogo jazyka*. Kazan: Tipo-litografija Imperatorskogo universiteta.
- Əkhmät'janov, R. G. 2015. *Tatar telenen etimologik syzlege. Ike tomda: I tom (A–L); II tom (M–Ja)*. Kazan: Məgarif–Vakyt.
- Belykh, S. K. 2009. *Problema raspada prapermskoj etnojazykovej obshchnosti*. Izhevsk: Udmurtskij gosuniversitet.
- Budenz, József. 1864. Cseremisiz tanulmányok. *Nyelvtudományi közlemények* 3: 397–470.
- ChRS = Sirotkin, M. Ja. (ed.). 1961. *Chuvashsko-russkij slovar'*. Moskva: Gosudarstvennoje izdatel'stvo inostrannyx i natsional'nyx slovarnej.
- Dybo, A. V. 2007. *Lingvisticheskie kontakty rannix tjurkov. Leksicheskij fond. Prat'urkskij period*. Moskva: Vostochnaja literatura.
- Dybo, A. V. 2010. Vokalizm rannet'urkskix zaimstvovanij v vengerskom. In: Valentin Ju. Gusev, Anna Widmer & Annkatrin Klein (eds). *Gedenkschrift für Eugen A. Helinski (= Finnisch-Ugrische Mitteilungen, Bd. 32/33, Jahrgang 2008/2009)*: 83–132.
- Dybo, A. V. 2011. Otrazhenije bulgarskix palatalizatsij v bulgarizmax vengerskogo jazyka. In: A. V. Kuznetsov (ed.). *Chuvashskij jazyk i etnos v istorii jevrazijskoj tsivilizatsii. Materialy Mezhdunarodnoj t'urkologicheskoy konferentsii*: 10–21. Cheboksary: ChGIGN.
- EDAL = Starostin, Sergei A., Anna V. Dybo, Oleg A. Mudrak. 2003. *Etymological dictionary of Altaic languages*. Leiden: Brill.

- Erdal, Marcel. 1993. *Die Sprache der wolgabolgarischen Inschriften*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- ESTJa 1 = Sevortjan, E. V. 1974. *Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskije i mezht'urkskije osnovy na glasnye*. Moskva: "Nauka".
- ESTJa 2 = Sevortjan, E. V. 1978. *Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskije i mezht'urkskije osnovy na bukvu "B"*. Moskva: "Nauka".
- Fedjuneva, G. V. 2013. Komi dialektnaja leksika v kontekste bulgarsko-permskix jazykovyx sv'azej. *Finno-ugorskij mir* 1: 8–12.
- Fedjuneva, G. V. 2014. K voprosu o bulgarsko-permskix vzaimootnošenijax i ix interpretatsii po dannym leksiki. In: S. A. Myznikov et al. (eds). *Voprosy uralistiki 2014. Nauchnyj Al'manax*: 116–134. Sankt-Peterburg: "Nestor-Istorija".
- Fedjuneva, G. V. 2025. K voprosu etimologizatsii russkix dialektnyx ixionimov s osnovoj ar-/arg- 'gol'jan'. *Tomskij zhurnal lingvističeskix i antropologičeskix issledovanij* 3(49): 70–79.
- Fedotov, M. R. 1968. *Istoricheskie sv'azi čuvashskogo jazyka s volžskimi i permskimi finno-ugorskimi jazykami*. Cheboksary: Čuvashskoje knižnoje izdatel'stvo.
- Fedotov, M. R. 1996. *Etimologičeskij slovar' čuvashskogo jazyka*. T. 1–2. Cheboksary: Čuvashskij gosudarstvennyj institut gumanitarnyx nauk.
- Geisler, Michael. 2002. Etymologien aus den permischen Sprachen. *Linguistica Uralica* 38(4): 241–244.
- Idrisov, R. I. 2013. *T'urkskije zaimstvovanija raznyx periodov v beserm'anskom dialekte udmurtskogo jazyka*. Moskva: MGU im. M. V. Lomonosova.
- Jakob, Anthony. 2022. Some notes on Permic vowel correspondences. *Academia.edu*. Online at: https://www.academia.edu/71100488/Some_notes_on_Permic_vowel_correspondences (accessed 26 September 2025).
- Jegorov, V. G. 1930. *Vvedenije v izučenie čuvashskogo jazyka*. Moskva: Tsentr. izd-vo narodov SSSR.
- Jegorov, V. G. 1964. *Etimologičeskij slovar' čuvashskogo jazyka*. Cheboksary: Čuvashskoje knižnoje izdatel'stvo.
- Jemel'janov, A. I. 1924. Čuvashi i permskije narodnosti. *Perm'skij krajevedčeskij sbornik*: 32–34. Perm': Kružok po izučeniju Severnogo kraja pri Permskom Universitete.
- Kel'makov, V. K. 1998. *Kratkij kurs udmurtskoj dialektologii: Vvedenije. Fonetika. Morfologija. Dialektnyje teksty. Bibliografija*. Izhevsk: Izd-vo Udm. un-ta.
- Kel'makov, V. K. 2004. K probleme bulgarizmov v udmurtskom jazyke [I]. In: L. P. Sergeev et al. (eds). *Dialekty i istorija t'urkskix jazykov vo vzaimodejstvii s drugimi jazykami*: 15–19. Cheboksary: ChGPU.
- Kel'makov, V. K. 2010. K probleme bulgarizmov v udmurtskom jazyke [III]. In: A. P. Khuzangaj (ed.). *Čuvashskij jazyk: včera, segodn'a, zavtra*: 56–70. Cheboksary: ChGIGN.
- Kel'makov, V. K. 2012. K voprosu o xronologičeskoj stratigrafii bulgarizmov permskix jazykov v finno-ugrovedenii. In: *Trudy Instituta jazyka, literatury i istorii Komi NTs UrO RAN* 69: 89–94. Syktyvkar: Institut jazyka, literatury i istorii Komi NTs UrO RAN.
- KESK = Lytkin, V. I., Je. S. Guljaev. 1970. *Kratkij etimologičeskij slovar' komi jazyka*. Moskva: "Nauka".
- Lakó, György. 1935. A permi nyelvek szóvégi magánhangzói. *Nyelvtudományi közlemények* 49: 141–171.
- Lakó, György. 1949. Permi szófejtések. *Nyelvtudományi közlemények* 52: 137–140.
- Lytkin, V. I. 1959. O nekotoryx t'urkskix zaimstvovaniyax v komi jazyke. *Nyelvtudományi közlemények* 60: 109–112.
- Lytkin, V. I. 1964. *Istoricheskie vokalizmy permskix jazykov*. Moskva: "Nauka".
- Lytkin, V. I. 1967. O drevnet'urkskix elementax v leksike permskix jazykov. *Voprosy finno-ugorskogo jazykoznanija* IV: 131–142.
- Maksimov, S. A. 2018. K probleme vozrozhdenija gipotezy o t'urkskom substrate v jazyke beserm'an. In: A. M. Ivanova, E. V. Fomin (eds.). *Jazykovye kontakty narodov Povolzhja i Urala. Sbornik statej XI Mezhdunarodnogo simpoziuma*: 78–83. Cheboksary: Izdatel'stvo Čuvashskogo universiteta.
- Maksimov, S. A. 2023. Beserm'ansko-t'urkskije vzaimosv'azi: na osnove nazvanij detalej traditsionnoj odezhdy. *Polilingval'nost' i transkul'turnyje praktiki* 20(2): 206–215.
- Metsäranta, Niklas. 2020. *Periytyminen ja lainautuminen: Marin ja permiläisten kielten sanastutkimusta*. Helsinki: Helsingin yliopisto.
- Mudrak, O. A. 1989. Spetsificheskie droblenija konsonantnyx reflektov v čuvashskom jazyke. *Lingvističeskaja rekonstrukcija i drevnejšaja istorija Vostoka. Ch. 1*: 216–222. Moskva: Institut vostokovedenija AN SSSR.
- Mudrak, O. A. 1993. *Istoricheskie sootvetstviya čuvashskix i t'urkskix glasnyx: Opyt rekonstruktsii i interpretatsii*. Moskva: Institut vostokovedenija RAN.
- Munkácsi, Bernát. 1883. Votják nyelvtanulmányok. *Nyelvtudományi közlemények* 18: 35–155, 428–447.
- Munkácsi, Bernát. 1887–1890. Csúvas nyelvészeti jegyzetek. *Nyelvtudományi közlemények* 21: 1–44.

- Munkácsi, Bernát. 1896. *A votják nyelv szótára* [= *Lexicon lingvæ Votiacorum*]. Budapest: Franklin-Társulat Nyomda.
- Napol'skix, V. V. 2018. *Očerki po etniceskoj istorii*. Kazan': Institut arxeologii im. A. Kh. Khalikova Akademii nauk Respubliki Tatarstan.
- Napol'skix, V. V. 2021. Udmurtskaja *akashka* ~ beserm'anskaja *akajashka* i pozdnesrednevekovaja etniceskaja istorija Nizhnego Prikam'ja. *Etnografija* 4(14): 37–54.
- Napol'skix, V. V. 2025. K etimologii russk. *bezmén*. *Voprosy jazykoznanija* 1: 136–147.
- Nasibullin, R. Sh. 1978. Nabl'udenija nad jazykom krasnoufimskix udmurtov. *O dialektax i govorax juzhnoudmurtского narechija: sbornik statej i materialov*. Izhevsk: NII pri Sov. Min. Udmurt. ASSR.
- Nasibullin, R. Sh. 1980. Refleksy nekotoryx bulgarskix gubnyx glasnyx v dialektax permskix jazykov. In: *Problemy istoriceskoj leksikologii chuvashskogo jazyka (Trudy NII jazyka, literatury, istorii i ekonomiki pri Sov. Min. Chuvash. ASSR 97)*: 61–65. Cheboksary: NII jazyka, literatury, istorii i ekonomiki pri Sov. Min. Chuvash. ASSR.
- Nasibullin, R. Sh. 2014. Bulgarizmy i ix otnoshenije k voprosu o vremeni raspada obshchepermskoj jazykovoj obshchnosti. *Jezhegodnik finno-ugorskix issledovanij* 8(5): 77–91.
- Paasonen, Heikki. 1902. Votják-török szóegyeztetések. *Nyelvtudományi közlemények* 32: 257–270.
- Ponarjadov, V. V. 2014. *Razvitije glasnyx v permskix jazykax*. Syktyvkar: Komi nauchnyj tsentr UrO RAN.
- Poppe, N. N. 1927. *Chuvashi i ix sosedi*. Cheboksary: Obshchestvo Izuchenija Mestnogo Kraja.
- Radlov, V. V. 1899. *Opyt slovar'a t'urkskix narechij. Tom vtoroj*. Sankt-Peterburg: Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk.
- Raun, Alo. 1957. The Chuvash borrowings in Zyrian. *Journal of the American Oriental Society* 77(1): 40–45.
- Räsänen, Martti. 1920. *Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen*. Helsinki: Société finno-ougrienne.
- Räsänen, Martti. 1935. Türkische lehnwörter in den permischen sprachen und im tscheremissischen. *Finnisch-Ugrische Forschungen* 23: 103–107.
- Rédei, Károly, András Róna-Tas. 1972. A permi nyelvek ősspermi kori bolgár-török jövevényszavai. *Nyelvtudományi közlemények* 74: 281–298.
- Rédei, Károly, András Róna-Tas. 1975. A bolgár-török-permi érintkezés néhány kérdése. *Nyelvtudományi közlemények* 77: 31–34.
- Rédei, Károly, András Róna-Tas. 1982. Proto-Permian and Votyak loan-words in Chuvash. In: András Róna-Tas (ed.). *Studies in Chuvash etymology I*: 158–179. Szeged: Universitas Szegediensis de Attila József Nominata.
- Rédei, Károly, András Róna-Tas. 1983. Early Bulgarian loanwords in the Permian languages. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 37: 3–42.
- Róna-Tas, András. 1988. Turkic influence on the Uralic languages. In: Denis Sinor (ed.). *The Uralic languages: Description, History and Foreign Influences*: 742–780. Leiden: Brill.
- Savelyev, A. V. 2021. Starochuvashskij pam'atnik s razlichenijem dativa i akkuzativa. *Uralo-altajskije issledovanija* 1(40): 77–100.
- Savelyev, Alexander. 2022. *Mari historical phonology and the areal factor in linguistic reconstruction. Presentation given to the Nostratic Seminar, HSE University, Moscow, 2022-11-24*. Online at: <https://iocs.hse.ru/mirror/pubs/share/800470746.pdf> (accessed 26 September 2025).
- SIGTJa 2001 = Tenishev, E. R. (ed.). 2001. *Sravnitel'no-istoriceskaja grammatika t'urkskix jazykov: Leksika. 2-e izdanije, dop.* Moskva: "Nauka".
- SIGTJa 2002 = Tenishev, E. R. (ed.). 2002. *Sravnitel'no-istoriceskaja grammatika t'urkskix jazykov: Regional'nye rekonstruktsii*. Moskva: "Nauka".
- SIGTJa 2006 = Tenishev, E. R., A. V. Dybo (eds.). 2006. *Sravnitel'no-istoriceskaja grammatika t'urkskix jazykov: Prat'urkskij jazyk-osnova. Kartina mira prat'urkskogo etnosa po dannym jazyka*. Moskva: "Nauka".
- Sitdikov, A. G., F. Sh. Khuzin, T. B. Nikitina (eds.). 2022. *Arxeologija Volgo-Ural'ja. V 7 t. T. 5. Srednie veka (VIII — nachalo XIII vv.). Volzhskaja Bolgarija. Finno-ugorskij mir. Kochevniki Vostochnoj Jevropy*. Kazan: Izdatel'stvo AN RT.
- Smirnov, I. N. 1890. *Voťaki: istoriko-etnograficeskij ocherk*. Kazan: Tipografija Imperatorskogo universiteta.
- Smirnov, I. N. 1891. *Perm'aki: istoriko-etnograficeskij ocherk*. Kazan: Tipografija Imperatorskogo universiteta.
- SRNG 2 = Sorokoletov, F. P., F. P. Filin (eds.). 1966. *Slovar' russkix narodnyx govorov. Vyp. 2: Ba — Blaznit'sja*. Moskva/Leningrad: "Nauka".
- SRNG 51 = Myznikov, S. A., O. D. Kuznetsova, R. V. Gajdamashko (eds.). 2019. *Slovar' russkix narodnyx govorov. Vyp. 51: Khod — Khojushki*. Sankt-Peterburg: "Nauka".
- Tarakanov, I. V. 1980. O bulgarskix zaimstvovanijax v udmurtskom jazyke. *Problemy istoriceskoj leksikologii chuvashskogo jazyka (Trudy NII jazyka, literatury, istorii i ekonomiki pri Sov. Min. Chuvash. ASSR 97)*: 127–136. Cheboksary: NII jazyka, literatury, istorii i ekonomiki pri Sov. Min. Chuvash. ASSR.

- Tarakanov, I. V. 1982. *Zaimstvovannaja leksika v udmurtskom jazyke: udmurtsko-t'urkskije jazykovyje kontakty*. Izhevsk: Udmurtija.
- Tarakanov, I. V. 1993. *Udmurtsko-t'urkskije jazykovyje vzaimosv'azi: Teorija i slovar'*. Izhevsk: Izd-vo Udm. un-ta.
- Tumasheva, D. G. 1992. *Slovar' dialektov sibirskix tatar*. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta.
- UEW = Rédei, Károly. 1986–1991. *Uralisches etymologisches Wörterbuch*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Uotila, Toivo E. 1933. *Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Uotila, Toivo E. 1938. *Syrjänische Chrestomathie mit grammatikalischem Abriss und etymologischem Wörterverzeichnis*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- VEWT = Räsänen, Martti. 1969. *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkischen Sprachen*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura.
- Vyazov, Leonid A., Ekaterina G. Ershova., Elena V. Ponomarenko, Konrad Gajewski, Mikhail S. Blinnikov, Ayrat G. Sitdikov. 2019. Demographic Changes, Trade Routes, and the Formation of Anthropogenic Landscapes in the Middle Volga Region in the Past 2500 Years. In: Liang E. Yang, Hans-Rudolf Bork, Xiuqi Fang, Steffen Mischke (eds.). *Socio-Environmental Dynamics along the Historical Silk Road*. Springer, Cham. doi: 10.1007/978-3-030-00728-7_19
- Wichmann, Yrjö. 1903. *Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen*. (Mémoires de la Société Finno-ougrienne XXI.) Helsinki: Druckerei der finnischen Literaturgesellschaft.
- Wichmann, Yrjö. 1924. Etymologisches aus den permischen Sprachen. 64–104. *Finnisch-Ugrische Forschungen* 16 (Heft. 2–3): 185–212.
- Wichmann, Yrjö (aufgez.), Toivo E. Uotila (bearb. und hrsg.). 1942. *Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- WOT = Róna-Tas, András, Árpád Berta. 2011. *West Old Turkic: Turkic Loanwords in Hungarian. Parts I–II*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Zhivlov, Mikhail. 2014. Studies in Uralic vocalism III. *Journal of Language Relationship* 12: 113–148.
- Zhivlov, Mikhail. 2023. Reconstruction of Proto-Uralic. In: Daniel Abondolo et al. (eds.). *The Uralic Languages (2nd edition)*: 117–175. NY, Abingdon: Routledge.
- Zolotnitskij, N. I. 1875. *Kornevoj chuvashsko-russkij slovar', sravennyyj s jazykami i narechijami raznyx narodov t'urkskogo, finskogo i drugix plemen*. Kazan: Tipografija Imperatorskogo universiteta.

Alexander Savelyev. On the criteria for identification and stratification of Bulghar-Chuvash loanwords in Permian I

This article represents the first part of a two-part study devoted to the analysis of Turkic loanwords of the Bulghar-Chuvash type in the Permian languages. In this part, general criteria are proposed for distinguishing Bulgharic borrowings within the corpus of Udmurt and Komi words of Turkic origin. In addition, a “core” layer of Bulghar-Chuvash loanwords in Permian is outlined, which may serve as a starting point for further interpretation of the multi-layered Bulgharic-Permian contacts. The main list includes 20 words that can be assumed to have had a historically pan-Permian distribution (attested in Komi outside of the Southern Zyrian dialects, Komi-Permyak, and Komi-Yazva) and that show the most frequent reflexes of Proto-Turkic phonemes. It is shown that loanwords of this type entered Proto-Permian before it had undergone a number of sound changes characteristic of the Permian branch, from a source that may be referred to as Old Chuvash. This layer of Bulgharic-Permian connections should be dated to the 8th–9th centuries.

Keywords: Permian languages; Udmurt language; Komi language; Bulgharic languages; Chuvash language; language contact; historical phonology; etymology.